

Альбина Ярулина

Железная леди

Ав **СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ** страции: Deviney

18+

Альбина Александровна Ярулина

Железная леди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69651850

SelfPub; 2024

Аннотация

Сильное, спортивное тело Александры, победительницы соревнований по бодибилдингу, свело немало мужчин с ума. Одним из таких «сумасшедших» был и муниципальный депутат, возжелавший видеть Сашу в качестве своей супруги. И его желание сбылось, ведь этот нечистый на руку чиновник занимает не только высокую должность, но и обладает немалым капиталом, позволяющим исполнять желания.

После свадьбы Александра становится заложницей в доме супруга, походившего больше на изувера и надзирателя, нежели на любящего мужчину. Поэтому похищение Саши Кириллом с целью шантажа является для нее спасением, о котором она мечтала тринадцать лет пребывания в браке. Александра влюбляется в Кирилла и ее чувства взаимны, но ведь влиятельный госслужащий Дамир Сабуров никогда не позволит Саше покинуть его дом. Вот тут-то и начинается ожесточенная борьба за свободу и счастье, напоминая страшный бой не на жизнь, а на смерть с неравным, сильным, предусмотрительным и хладнокровным соперником: с собственным «Я».

Альбина Ярулина

Железная леди

Не гляди на ее запястья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашел...

С. А. Есенин

Милейшего вида бармен с розовыми по-детски плюшевыми щеками заботливо наполнил осиротевший бокал багряным вином. Довольная улыбка коснулась моих губ. Я кивком выразила благодарность и сделала глоток пьянящей полусладкой легкости, которая вроде бы как неплохо справлялась с хронической усталостью. Одурманивающий привкус далеко несвежего винограда разливался по артериям, расслабляя мышцы и наполняя их приятным теплом. Расслабление шло полным ходом, только куда именно оно шло, было неясно, да и, в принципе, неважно. Ну шло себе и шло, никого не трогало, но нет же, непременно кому-нибудь да взбредет в голову привязаться с глупым вопросом:

— Ты что, издеваешься?

Скривившись от кислого недовольства, я повернулась к Никите. Он заметно нервничал, то и дело поглядывая на циферблат наручных часов.

— Еще пять минут, – пробубнила я, уткнувшись носом в бокал.

— Какие пять минут? – опешил он. – Сашка, ты хочешь, чтобы меня Сабуров закопал где-нибудь под липами? Скоро приземлится его самолет... – начал ныть Ник словно сопливый мальчишка.

— Замолчи! – перебила я омерзительное нытье и пробурчала по-старчески: – Иду я, иду. Сейчас только расплачусь и сразу же выхожу, – изображая активные поиски кредитки в карманах, я добавила: – Иди в машину.

Он недовольно фыркнул и направился к выходу. Проводив Ника контролирующим взглядом и убедившись, что он действительно покинул зал, я повернулась к бармену и, довольно улыбнувшись, воскликнула торжественным голосом:

— Уважаемый! Плесни-ка мне в бокальчик еще полусладкого, пожалуйста!

Но и эта порция как-то быстро улетучилась, и мне таки пришлось отправиться восвояси. Сунув карту обратно в карман, я накинула на голову капюшон для маскировки и понуро поплелась к выходу. Оказавшись на улице, я осмотрела темноту, хмуря лоб: еще пару часов назад над входом в бар светил яркий фонарь, а сейчас его лампа, иногда судорожно вздрагивая, вновь погружала прилегающую территорию во тьму. Я пыталась в этой самой тьме отыскать глазами авто Никиты, но это было абсолютно нереально: черный кузов кроссовера наверняка утонул в такой же черной темноте.

— Бестолковый Ник, хоть бы фары догадался включить, — пробубнила я себе под нос, недовольно всматриваясь в непроглядную ночь, — мне тебя что, по запаху искать, что ли, как ищейка?

Сделав несколько шагов вперед, отдаляясь от крыльца, я увидела приближающийся автомобиль. Он негромко порывивал в уличной тишине, стремительно сокращая расстояние между нами. Я даже успела вздохнуть с облегчением, будучи уверенной в том, что это Никита на своем вороном мерине, но прямо передо мной притормозил незнакомый седан. Я отпрянула назад в страхе, что его колеса окажутся на моих белых кроссовках, и уже готова была прокомментировать навыки вождения этого горе-водителя, как задняя дверца настежь распахнулась, а из салона высунулась длинная рука. Она ухватила за толстовку и мгновенно втянула меня в авто. Дверь тут же закрылась, отрезав путь к отступлению; щелкнул центральный замок — и седан сорвался с места.

Я повернулась к незнакомцу, обратившему ко мне каменную физиономию. Его холодный равнодушный взгляд коснулся испуганного лица. Сердце стучало громко в висках, напоминая барабанные палочки, безжалостно бьющие по мембране. Ладони обильно потели, заставляя подрагивать холодные пальцы, сжимающиеся в кулаки. Не заинтересовавшись красочным испугом, разукрасившим мое лицо, мужчина отвернулся. Я еще долго рассматривала его затылок, освещенный уличными фонарями, продолжая бороть-

ся с собственным страхом. Немного времени – и я все-таки одержала победу в этой нелегкой борьбе. Тело обрело подвижность, ладони потели уже не так обильно, да и сердце поумерило свой пыл. Скинув капюшон, я снова осмотрела короткостриженный затылок.

– Что вам надо? – негромко спросила я, иногда поглядывая в окно, желая понять, куда меня везут.

Каменнолицый невежа, нерасторопно повернув мрачную физиономию, одарил меня таким жутчайшим взглядом, что я, подобно виноградной улитке, втянула шею в плечи, желая стать менее заметной в глазах сильного плотоядного существа с длинным клювом. Интерес бесследно пропал. Желание задавать глупые вопросы тоже. Я примирилась с происходящим, покорно принимая его правила игры.

Вскоре автомобиль уткнулся мордой в ворота, больше напоминающие листы гофрированного железа. Водитель выскочил из салона и, скинув с мощной цепи амбарный замок, освободил проезд. Вернувшись за руль, он вкатил седан на территорию заброшенного долгостроя, хрустя рассыпанным по площадке гравием. Каменнолицый выбрался наружу и, обойдя кузов сзади, распахнул дверцу с моей стороны.

— Выходи, – флегматично сказал он и сдвинулся в сторону.

Я поспешила покинуть салон, не усмотрев никакого смысла в сопротивлении. Страх стал активно наступать, заходя с тыла: возвращалась дрожь, стук в височных долях становил-

ся четче и громче, сердце закопошилось в груди, путаясь в ребрах. Я подняла лицо вверх, в попытке рассмотреть недостроенный дом в темноте: высокое серое здание с плитами вместо балконов и дырами вместо окон пряталось за занавесом ночи. Рядом стоял высокий желтый кран с длинной стрелой, напоминая цаплю с клювом, на конце которой не спеша покачивался увесистый крюк.

Мужчина неожиданно схватил меня за руку, увлекая за собой, и двинулся в сторону строения. Иногда спотыкаясь о куски кирпичей и арматуру, я шла следом, стараясь не отставать, так как любое промедление причиняло боль руке и оканчивалось резким рывком. Мы поднялись по лестнице примерно на седьмой этаж и вошли в серую бетонную коробку с квадратной дырой вместо окна, справа от которой стояла наполовину разобранный кирпичная упаковка. Мужчина повернулся к плетущемуся позади водителю. Тот вытащил из кармана наручники и сунул ему в руку. С испугом наблюдая за происходящим, я отступила назад. Два широких шага – и каменнолицый ухватил меня за предплечье, молниеносно защелкнув на запястье браслет. Второй же браслет оказался на ржавой трубе стояка, пронизывающей потолок и бетонный пол комнаты насквозь. Мужчины направились к выходу и вскоре скрылись из виду, а я так и осталась стоять недвижимо у незастекленного окна.

Долго я еще ждала, что они вернуться, но время шло, а высотка захлебывалась в тишине и ночной темноте, будто

субмарина, погружающаяся все глубже и глубже. Обреченно вздохнув, я опустилась на кирпичи и, прижавшись плечом к трубе, закрыла глаза. В голове что-то неприятно гудело, напоминая шум завода, а я думала о том, что во всех моих бедах виноват муженек (черт бы его побрал!). Я уже тринадцать лет являюсь средством манипуляций Дамиром.

Мой муж – муниципальный депутат, хотя эта должность всего-навсего занавес, скрывающий истинное положение вещей: Дамир Сабуров по уши погряз в криминале, называя его бизнесом, который, согласно запрещающему закону заниматься предпринимательской деятельностью, зарегистрирован, само собой, на подставные лица. Его многие ненавидят, величая себя гордым званием «враг». Вот такие враги, периодически возникающие в моей и без того паршивой жизни, и доставляют неудобства.

Невеселые мысли помогли пережить промозглую ночь. На улице небо приобрело голубой оттенок, а восходящее солнце наполнило мою коробку солнечными зайчиками. Невыносимая боль в затылке причиняла неудобство, спина ныла от боли и напряжения, а руки замерзли до такой степени, что пальцы не подчинялись мышцам. Где-то вдалеке послышались голоса. Сначала я приняла их за галлюцинацию, но чем громче они становились, тем все больше я верила в их реальное существование. Конечно же, я надеялась на то, что это мой благоверный пришел освободить меня из каменного плена, но разочарование напомнило о его нерасторопности.

В бетонной коробке появились уже знакомые мне мужские фигуры, замерев в солнечном свете. Сердце снова с волнением ударило в грудь азбукой Морзе, сообщая об опасности. Неожиданно в помещении возникла еще одна незнакомая мне фигура. Она мгновенно оказалась в ярких утренних лучах, представ предо мной. Я по-прежнему сидела неподвижно, глядя на высокого мужчину лет тридцати пяти, в свою очередь рассматривающего меня. Его черная футболка плотно обтягивала накаченную грудь, которая периодически раздувалась, выдавая вдох, а рукава темно-синего джемпера стягивали бицепсы, словно эластичные бинты. Такие же синие спортивные брюки и черные кроссовки дополняли образ человека, увлекающегося спортом. Мужчина продолжал с интересом рассматривать меня, отчего-то хмуря брови, а я остановила свой взгляд на его монохромных глазах. Серый оттенок был холодным и глубоким, а при попадании солнечного луча на радужку, цвет глаз как будто растворялся, становясь полупрозрачным. Этот мужчина внушал больший страх, нежели те двое, что стояли чуть позади, за его спиной. В его взгляде читался высокий иерархический статус, а небогатая мимика придавала лицу хмурости и жестокости. Он посмотрел на мужчин поочередно, неспешно поворачивая корпус то вправо, то влево, а затем снова перевел взгляд на меня.

— Вы кого мне привезли? – спросил сероглазый леденящим душу тембром.

— Кого ты и просил... – начал говорить водитель седана, но под его злобным взглядом, резко притих.

— Ты, – обратился мужчина ко мне, – жена Сабурова?

— Нет, – соврала я, усмотрев в этом самом «нет» спасение.

Он нахмурился еще сильнее, глядя на меня исподлобья. Я перестала дышать и двигаться. Все, как в дикой природе: дабы тебя не сожрали, надо притвориться неживой, чтобы жаждущий крови хищник отступил, и ежели он не питается падалью, то эта уловка должна сработать на ура.

— Так кого вы мне привезли? – шипя, спросил мужчина моих похитителей.

— Жену Сабурова, – в один голос произнесли они, как двое из ларца, и синхронно пожали плечами.

— Жене Сабурова лет пятьдесят, а этой – вполовину меньше, – недовольно скривился он, глядя на меня.

— Так это бывшей жене пятьдесят, а это, – указал на меня кивком каменнолицый, – нынешняя.

Мужчина еще несколько секунд рассматривал смуглое каменное лицо моего мучителя, наверное, пытаясь рассмотреть признаки лжи на нем, а после перевел взгляд на меня.

— Ты кто? – прошипел он так зловеще, что я словно под гипнозом машинально произнесла:

— Жена Сабурова...

Его физиономию перекосило от гнева. Он раздул ноздри, раза два-три шумно вдохнул, всматриваясь в мой перепуган-

ный взгляд, а позже сказал:

— И на будущее: у меня хреновое чувство юмора.

Пауза вползла в окно вместе с солнечным лучом и зависла в воздухе, левитируя у нас над головами. Мужчина все пристальнее всматривался в мое лицо, а из его глаз медленно испарялась злость. Я тоже наблюдала за ним, а мне с каждой минутой все больше казалось, что в эти монокромные глаза я уже смотрела когда-то.

— Почему твое лицо мне так знакомо? – первым нарушил он пыльную тишину.

— Откуда же мне знать? – как можно тише сказала я, с опасением пожимая плечами.

— Отстегните ее, – приказал мужчина, продолжая пялиться на меня, не моргая.

Каменнолицый невежа мгновенно оказался подле и, сунув маленький ключик в такой же маленький замочек браслета, освободил мою руку из оков. Схватившись за ноющее от боли запястье с алой отметиной, я подняла взгляд затравленного волчонка на сероглазого, внимательно наблюдающего за мной. Продолжая шнырять глазами по моему, несомненно, бледному лицу, он иногда шурился и хмурился, не оставляя попыток отыскать в памяти знакомые черты. Я с трудом поднялась с кирпичной упаковки и попыталась сделать шаг вперед, проверяя работоспособность ног.

— Сбежавшая невеста! – неожиданно воскликнул мужчина, а я вздрогнула от этой восклицательной неожиданности

и замерла на месте, с трудом удерживая тело в вертикальном положении.

Во теперь и я вспомнила, где видела этого человека – пытаясь расслабиться на «похоронах» своей свободы, я прибегла к помощи алкоголя – самого доступного средства, находящегося на свадебном столе. Естественно, Сабурову это не понравилось (впрочем, как и все, что делала я) и он не поленился выяснить со мной отношения. Наедине мой новоявленный муженек высказал все, что думал и обо мне, и о моем поведении. Дамир доходчиво объяснил кто я, откуда я и почему я здесь. Не поленился он описать и мое ближайшее будущее в красках, используя при этом все оттенки черного. Сабуров сделал все, чтобы причинить боль моральную, а затем и физическую, дабы привести меня в чувство, как он выразился. Когда этот изувер вернулся в зал к гостям, я исчезла с собственной свадьбы, оказавшись на пляже.

Я помню, как брела босиком вдоль береговой линии по мокрому от дождя песку; помню, как приподнимала подол намокшей тяжелой юбки ненавистного свадебного платья; помню, как, периодически поглядывая на сильные волны, мечтала оказаться под одной из них, только бы больше никогда не видеть сабуровскую физиономию; помню, как слезы стекали по щекам и, смешиваясь с каплями дождя и тушью, рисовали на них боль и отчаянье; помню, как стянула с безымянного пальца обручальное кольцо, испытывая приторное отвращение, и с ненавистью швырнула его в соленую

морскую воду, будто бы это могло вернуть то, что утрачено мною навсегда – свободу. Вот тут-то и появился этот молодой сероглазый и красивый мужчина. Вот только тринадцать лет тому назад его лицо не было таким жестоким и хмурым. Он смотрел на меня с жалостью, а его улыбка дарила надежду. Его забота и участие в тот день спасли меня от суицида, о котором я думала вполне серьезно, подбирая способ оказаться в котле ада. Я помню его сильные руки, прижимающие дрожащее не от холода тело к широкой груди. Помню, как его пальцы путались в мокрых прядях моих волос, пытаясь успокоить.

— Так это ты от Сабурова тогда сбежала?

Я не стала отвечать, вновь вспомнив о своем заветном желании: поквитаться с собственным ничтожным существованием.

Мужчина оказался рядом и аккуратно взял меня за руку, увлекая за собой. Так как он вызывал у меня доверие еще с незапамятных времен, я покорно последовала за ним.

Напротив входа в дом стоял тупомордый новенький джип, в теплом салоне которого мы и оказались спустя несколько секунд. Я потеряла заледенелые пальцы, мельком глянув на грубый мужской профиль. Машина зарычала и покати-лась назад – гравий захрустел под покрышками, заполняя тишину салона. Оказавшись за воротами долгостроя, джип выкатился на дорогу, агрессивно рыкнул, развернулся и рванул вперед, в противоположную городу сторону. Он несся

по абсолютно пустынной трассе, стремясь к лысому горизонту, над которым весело ярко-оранжевое утреннее солнце. Я пристально всматривалась в палящий диск, чувствуя, как гудит уставшее, промерзшее насквозь тело. Мне было все равно куда меня везут и для чего именно везут именно туда. Я мечтала о мягкой кровати, пышной подушке, теплом одеяле и глубоком многочасовом сне.

— Как тебя зовут? – нарушил относительную тишину мужчина, повернув ко мне свое красивое до безобразия лицо.

— Александра, – оторвав взгляд от дорожного полотна, ответила я, взглянув в его монохромные глаза.

— А меня – Кирилл... И что такая красивая молодая девушка делает рядом с *господином* Сабуровым? – поинтересовался он спустя короткую паузу, окуная слово «господин» в липкую фамильярность.

Отвернувшись к боковому окну, я тяжело вздохнула, даже и не собираясь отвечать на провокационный вопрос, так как он был мне неприятен, впрочем, как и неозвученный мною ответ.

— Ты не ответишь?

— Нет, – буркнула недовольно я, не поворачивая к нему лица.

— М-да-а, – протянул он многозначительно, – у богатых папиков – всегда шикарные молодые жены.

Я таки повернулась и, взглянув в серые глаза, надменно

улыбнулась. Тринадцать лет подряд я слышу нечто подобное. За моей спиной всегда завистливо шипят немолодые дамочки, ведь для них я всего-навсего продажная девка, разрушившая многолетнюю «счастливую» семейную жизнь депутата Сабурова, но все с точностью до наоборот: это он разрушил мою поистине счастливую жизнь. «Пришел, увидел, победил», – сказал великий Цезарь, вот только не в моем случае. Увидел, захотел, получил – мой случай. Дамир просто захотел меня, а у меня, как оказалось, выбора нет. А всему виной – девичья глупость и юношеский максимализм. Я так мечтала освободиться от тотального контроля отца, что решила уйти с головой в спорт, позарившись на постоянные сборы и разъезды. Но ни в одном из выбранных мною видов у меня ничего не получалось. Все твердили в один голос, что я поздно спохватилась и мой поезд давно ушел. Мечтать о спортивной карьере было бессмысленно, поэтому ни сборы, ни соревнования мне не светили. Рассчитывать я могла лишь на любительские тренировки «для здоровья», которые не смогли бы меня оградить от чрезмерной бдительности папочки. Наверное, от безвыходности я отправилась в тренажерный зал. Там не было возрастных ограничений и занудных тренеров, только вежливые, заинтересованные в тебе (в твоих деньгах) инструкторы. Меня увлек бодибилдинг, да так, что я, участвуя в различных соревнованиях, брала награду за наградой. Благодаря своему увлечению я получила известность в узких кругах, лучшего именитого трене-

ра, а самое главное – заветную и желанную свободу. Многочисленные соревнования и поездки за границу для совместных тренировок с лучшими бодибилдерами мира освободили меня от обрыдлого контроля отца. Окончательно одурев от свободы, я слетела с катушек: алкоголь, наркотики, неразборчивый секс, влиятельные и богатые мужчины, жаждущие соблазнительное рельефное тело и готовые осыпать меня бриллиантами, дабы прикоснуться к нему. Одним из них был Сабуров. Являясь спонсором престижных государственных соревнований, он возжелал моей победы, а после – и меня. Судейское жюри, естественно, возражать депутату не стало. Дамир самолично вручил мне золотой кубок, в виде накаченной девушки со штангой, и сертификат на круглую сумму, а затем пригласил отметить победу. Ну а дальше все банально до безобразия: он просто напоил меня до беспамятства и получил мое тело во временное пользование. Спустя два месяца, лишившись сознания в зале, мне поставили «диагноз» – беременность. Я до сих пор не знаю, откуда Сабуров узнал об этом недоразумении. Затем события развивались, как в самом паршивом сериале длиной сродни «Санта-Барбаре»: разочарованные взгляды родителей, свадьба и адская нескончаемая жизнь в «золотой клетке». В свои семнадцать я стала женой тридцати пятилетнего депутата гордумы Дамира Сабурова, вовсе того не желая. Смешно, но под психологическим давлением отца, я дала свое согласие на брак. Вот с того дня и началась адская жизнь в

чистилище изуверского отродья, коим и являлся мой муженек. Для начала он лишил меня увлечения, затем отрезал от внешнего мира, заперев в доме. Покинуть «золотую клетку» я могла лишь в сопровождении Никиты, который стал моим личным телохранителем, затем получил статус «друг», а позже – «любовник»: довольствоваться сексом с немолодым Сабуровым, который больше напоминал дикое животное, желающее получить удовлетворение, было невыносимо. Беременность моя благополучно, а главное, досрочно завершилась. Лишив меня возможности посещать спортклуб, Дамир обустроил домашний тренажерный зал с бассейном, сауной, кучей тренажеров и любимого мною до беспамятства «железа». А я в знак безграничной признательности убила его ребенка при помощи этого самого «железа», ведь было это несложно, как оказалось. Я попросту провела изнуряющую трехчасовую тренировку, предварительно накачав тело крепким кофе и энергетическими напитками, а затем помогла мышцам расслабиться с помощью сауны. Через час меня нашел Ник без сознания, но зато с кровотечением. Диагноз – выкидыш, меня устроил куда больше, нежели поставленный ранее. Жаль, что от мужа нельзя было избавиться таким же незамысловатым способом.

— Могу я узнать, с какой целью ты лишил меня свободы? – утомившись от воспоминаний, подала я голос.

— Да, конечно, – произнес Кирилл и уставился на дорогу, прыгающую под колеса джипа, словно Анна Каренина – под

движущийся состав.

Пауза затянулась, а я поняла, что он и не собирается отвечать, наверняка решив поглумиться надо мной. Это не могло не разозлить.

— Ты очередной стервятник, жаждущий оторвать кусок от добычи моего мужа?

Кирилл скорчил такую физиономию, как будто мои слова вызвали отвращение и брезгливость, но на колкость отвечать не стал, продолжая всматриваться вдаль.

— Значит, посадишь меня на цепь и будешь держать в подвале своего дома?

— Если не будешь *фильтровать базар*, обязательно посажу, – отчего-то разозлился он, а я вздохнула и, натянув на голову капюшон и опустив ее на мягкий подголовник, закрыла глаза, больше не желая говорить с ним. Кирилл тоже не произносил слов, позволяя реву двигателя циркулировать в воздухе.

Открыла я глаза, когда джип замер у высоких черных ворот, медленно расползающихся в стороны и обнажающих большой дом из красного кирпича с многоскатной черепичной крышей. Он неспешно вкатился на территорию и остановился напротив гаража. Кирилл без промедления покинул салон и, обойдя кузов, распахнул пассажирскую дверь. Выпрыгнув на вымощенную плиткой площадку, я жадно вдохнула влажный воздух с ароматом хвои и осмотрелась.

— Пойдем, – тихо позвал он, направившись в сторону вхо-

да.

Мы вошли в просторный белоснежный холл, обставленный черной мебелью. Я сразу же обратила внимание на холодное оружие, украшающее стены. Его было немного, но каждый экземпляр, казалось, дорог хозяину. В принципе, ничего вычурного внутри не было, обычный для мужчины интерьер. Никакого пафоса, лишь функциональные предметы, облегчающие жизнь и делающие ее комфортнее. Кирилл остановился в центре гостиной. Я подошла к нему ближе. Внимательно осмотрев лицо, он сжал мое запястье в пальцах и повел вверх по лестнице. Распахнув первую же дверь, Кирилл завел меня в небольшую комнату и, отпуская руку, тихо сказал:

— Твоя временная тюрьма.

Уставившись на невысокий подиум с круглой алой кроватью, я брезгливо скривилась. Над подиумом нависал зеркальный потолок, по периметру которого располагались длинные светодиодные лампы, окрашивающие комнату в разнообразные оттенки. Все это напоминало порно-студию, не хватало лишь камеры на штативе и осветительных приборов. Непонимающе взглянув на Кирилла, я нарочито хмыкнула.

— Что это? – скорчилась я от отвращения.

— Комната моей сестры, – с каким-то равнодушием повел он плечами, окидывая взглядом интерьер. – Не обращай внимания, она назло мне устроила это безобразие.

— У тебя есть сестра? – недоверчиво сощурилась я, рассматривая смуглое лицо Кирилла, вернувшего на меня свои монокромные глаза. – И где она?

— В Турине, – как-то нехотя ответил он и опять принялся осматривать комнату, а мне показалось, что Кирилл попросту прячет от меня взгляд.

Я снова хмыкнула, всем своим видом давая понять, что совершенно не верю ему. В этой комнате жить было невозможно, она годилась только для кратковременных встреч с проститутками, причем с бюджетными. Мне вовсе не хотелось здесь находиться, а тем более проводить ночи, но разве заключенный вправе выбирать «камеру для отсидки»?

Кирилл подошел к окну и, сдвинув легкий полупрозрачный тюль, обнажил французские окна в пол, занимающие всю противоположную кровати стену.

— Взгляни на вид из окна, – повернувшись ко мне, предложил он.

Сделав пару шагов вперед, я уставилась на горы, плотно покрытые темно зелеными соснами. Солнце аккуратно касалось их острых макушек, заливая вершины белым светом, как сдобные булки – сахарной глазурью. Кирилл подошел ближе и замер рядом. Я повернула к нему лицо. Этот его соблазнительно хитрый прищур не мог не привлечь внимания. Я стояла неподвижно, рассматривая необычную радужку глаз. Его зрачки, медленно расширяясь, словно ластиком стирали серый грифельный оттенок. Он неожиданно вздрог-

нул, словно избавившись от гипноза, и поспешно направился к выходу.

— Запрешь меня на ключ? – спросила я только потому, что уж очень не хотелось оставаться в этой ужасной комнате одной.

— Нет, – остановившись у двери, Кирилл обернулся. – Мне незачем тебя запирать.

— А если я сбегу?

— Не сбежишь.

— Ну да, в доме полно охраны... – начала я, но замолчала, заметив насмешливую улыбку.

— Не в охране дело, – вздохнул он. – Это твоя *временная тюрьма*, а она не так страшна, как каземат, в котором ты проведешь остаток своей жизни.

Глядя в его глаза с ужасом, я перестала дышать. Понимая, что он прав, я не могла укротить боль, внезапно очнувшуюся ото сна. Она закопошилась в груди, недовольная ранним пробуждением, и стала ворочаться, выбирая позу поудобнее. Кирилл еле заметно кивнул и вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Ощущая, как слезы скатываются по щекам, я подошла к окну и, раздвинув его створки, еще раз осмотрела зеленые глазированные солнечным светом горы.

Я сидела на кровати, рассматривая пушистые горные вершины, отражающие лунный свет. Сосны, подобно серебристым наконечникам пик, блестели в сиянии земного спутни-

ка. Сверчок сообщал миру о наступившей ночи, периодически нарушая тишину своим приятным стрекотанием. Утомившись от собственной нудной неподвижности, я поднялась с кровати и отправилась на поиски приключений. Выглянув в коридор, прислушиваясь к тишине, я еще немного постояла у порога, пытаясь оценить обстановку вне «камеры», и наконец-то покинула временное пристанище.

На втором этаже располагались всего три комнаты (не считая моей), поэтому выбор оказался невелик. Дверь в самом конце коридора была почему-то заперта на ключ, да еще и отличалась ото всех своей громоздкостью. Две оставшиеся были одинаковы и располагались друг напротив друга. Выбрав одну из них наобум, я беззвучно опустила ручку. Дверь бесшумно приоткрылась. Я просочилась в узкую щель, оказавшись в просторной комнате. На тумбе, примыкающей к широкой кровати, горел тусклый ночник, а на самой кровати лежал Кирилл. Я, стараясь не издавать звуков, подошла ближе и уставилась на смартфон, лежащий под абажуром ночника. Было невероятно сильное желание покопаться в телефоне, но лежащие сверху наручные часы с золотым браслетом не позволили бы завладеть им, не нарушив тишины. Кирилл пошевелился, а я замерла на месте, испуганно уставившись на него. Он неожиданно открыл глаза и непонимающе посмотрел на меня.

— Ты чего? – шепнул он, приподнимаясь на локтях.

— Бессонница... – шепнула я в ответ и прибавила: – За-

мучила сволочь.

Кирилл сел на кровати и потер лицо ладонями, пытаясь проснуться. Он снова взглянул на меня.

— Дать снотворное?

— Налей выпить, – попросила я, мельком взглянув на его телефон.

Кирилл машинально приподнял брови от удивления, но ничего не сказал. Поднявшись, он натянул спортивные брюки и в который раз посмотрел на меня с еле заметным подозрением.

— Хм, ну пойдем, налью выпить, – с насмешкой сказал он и направился к выходу. Я поспешила за ним.

Мы спустились вниз и, преодолев расстояние от лестницы до раздвижных дверей из мутного стекла, вошли в кухню. Черный гляцевый гарнитур на фоне белых стен, потолка и пола смотрелся изыскано и строго и вторил интерьеру холла. Я уселась на кресло и опустила руки на стол перед собой, напоминая смущенную первоклашку. Кирилл тем временем достал из стеклянного буфета бутылку рома и два невысоких стакана. Разместив их на столе и наполнив янтарной жидкостью, он опустился напротив, придвинув один из стаканов ко мне ближе. Я залпом осушила его и, скривившись от крепости напитка, подняла взгляд на Кирилла.

— Ну что, полегчало?

— Угу, почти, – ответила я, придвинув стакан к бутылке, тем самым намекнув на необходимость его повторного на-

полнения. Кирилл не заставил себя ждать.

Опрокинув очередной стакан в себя, я неспешно выдохнула пары спирта.

— И что, Сабуров позволяет тебе пить? – спросил неожиданно он, наблюдая за моей славной попойкой.

— А я не спрашиваю у него позволения, – холодно сообщила я и, ухватив бутылку за короткое горлышко, наполнила стакан до самых краев, подавая пример щедрости хозяйки дома.

— Так и спиться недолго.

Недовольно фыркнув в ответ, я опустошила стакан, наконец-то ощутив желанную легкость.

— Так что тебе нужно от моего мужа?

— Твой муж многое на себя берет, – вздохнул Кирилл. – Невозможно усидеть на нескольких стульях одновременно...

— Это все – вода, а я хочу конкретики.

— Это мужские дела и тебя они не касаются.

— Если они меня не касаются, почему бы тебе вместо меня не похитить моего муженька? – раздраженно спросила я, поглядывая то на Кирилла, то на бутылку.

— К сожалению, Сабуров не так красив, как ты, – расплылся он в лукавой улыбке.

— Я не нуждаюсь в лести, – холодно произнесла я, придвигая бутылку ближе к себе (надоело мне из раза в раз тянуться за ней, а Кирилл не отличался щедростью и не торопился наполнять мой стакан). – Я знаю себе цену. Знаю, что

я красива, но это не означает, что я глупа.

— Я ничего такого и не имел в виду, – растерялся он.

— Тогда, будь добр, посвети меня в ваши *мужские* дела, которые непосредственно коснулись меня и нарушили мои наполеоновские планы на ближайшие дни.

Он помолчал несколько минут, вращая свой нетронутый стакан, а затем вздохнул и пристально посмотрел в мои глаза.

— Твой благоверный совсем недавно на фальшивых торгах приобрел ликеро-водочный завод, на который я имел виды.

— На «фальшивых торгах»?

— Да. Всех участников кинули, так как Сабуров, пользуясь своим служебным положением, приобрел завод еще до официального начала торгов. Я считаю это, по меньшей мере, несправедливо и непорядочно. Да дело даже не в порядочности и справедливости, – качнул он головой, – а в том, что эта мразь вконец оборзела. Этот беспредел уже достал меня. Когда-нибудь он отправится на нары, я все для этого сделаю.

Я пристально смотрела на злое лицо Кирилла, не веря собственным ушам. Неужели у меня есть шанс обрести свободу вновь, избавившись от мужа? Об этом можно лишь мечтать, даже не надеясь на исполнение этой самой заветной мечты. Нары уж точно не светят Сабурову. Избавиться от него, похоже, возможно лишь с помощью осинового кола, вбив его в грудь этого дьявола. Но благодаря сказанным Кириллом сло-

вам, я поняла, что готова на многое, дабы помочь ему исполнить мечту одну на двоих.

— Значит, моя цена – какой-то там заводилка?

— Этот, как ты выразилась, заводилка приносит в год такую прибыль, что даже твоему коррумпированному муженьку столько не снилось, – насмешливо хмыкнул он. – Так что, если ты ему действительно дорога, он заплатит очень большую сумму за твою свободу.

— А если нет? – тихо спросила я, всматриваясь в его глаза.

— Никакого «если» и быть не может.

— Почему?

— Потому что существует легенда, – загадочно улыбаясь, начал Кирилл, – что Сабуров и душу Сатане продаст за свою жену.

— Ему нечего продавать... – произнесла я почти шепотом, уставившись на свой осиротевший стакан. – Это всего лишь легенда...

— Сандра, – шепнул Кирилл, а я подняла на него глаза.

Он так и не решился ничего сказать, тяжело вздохнув. В его монохромных глазах отчетливо виднелась жалость, и от этого сердце сжимала ноющая хроническая боль.

Шел пятый день моего заточения во временной тюрьме, которая на самом деле стала спасением. Слова Кирилла о вечном каземате были истиной в последней инстанции. Представляя себя в стенах ненавистного дома, становилось

не по себе, но, если верить его словам, я очень скоро должна буду именно там и оказаться: Сабуров согласился передать завод Кириллу и уже готовил документы на его отчуждение. Хотелось выть от душевной боли, слушая этот жестокий приговор, но у меня не было права выбора, ведь пешку всегда первой подставляют под удар, так как она не представляет особой ценности для игрока.

Невыносимо было сидеть в комнате, которая вызывала отвращение. Я, выглянув за дверь и не обнаружив опасности, прошмыгнула в коридор. Беззвучие обволакивало дом, создавая видимость (ну, или слышимость) его необитаемости. Не спеша двигаясь вдоль стены, я всматривалась в таинственную вечно запертую дверь, которая невероятно сильно манила меня изо дня в день. Подкравшись ближе, я медленно опустила ручку и замерла: дверь, поддавшись, приоткрылась. Сердце отчего-то учащенно забилося, а ладони стали влажными. За громоздким антикварным столом сидел Кирилл, что-то увлеченно рассматривая на экране ноутбука. Не отводя взора, я прошла в кабинет и толкнула дверь, которая спустя миг негромко щелкнула у меня за спиной. И вот только тогда он оторвался от монитора и поднял глаза. Кирилл смотрел на меня так, как будто пред ним стояло невиданное существо, оставившее свои следы на пушкинских неведомых дорожках. Я замерла в волнительном ожидании, пытаясь угадать, что же вызвало сие изумление. Он как-то машинально и громко втянул носом воздух, не отводя своих

серых глаз от моей напряженной фигуры.

— Это действительно ты, – прошептал Кирилл словно в горячке.

Он развернул ноутбук, а я опустила взгляд на монитор, нахмурившись: на экране было фото с конкурса, ставшего для меня роковым и расчленившего мою жестоко убитую жизнь на «до» и «после». Смуглое от грима рельефное тело в белоснежном бикини и призовой кубок в руках напомнили о моей глупости и беспечности, а еще о Сабурове, который с такой легкостью заимел себе желанную игрушку. Я подняла непонимающий взгляд на Кирилла, все еще прибывая в режиме ожидания.

— Под твоей толстовкой действительно гора этих стальных мышц? – спросил он не в силах поверить своим же глазам.

Я молча расстегнула джемпер и, стянув его с плеч, кинула себе под ноги. Затем избавилась от футболки и брюк, оставшись лишь в спортивном нижнем белье. Дыхание Кирилла стало тяжелым и громким – так дышат люди, испытывая страх, физические нагрузки или... возбуждение. Поднявшись с кресла, он мгновенно оказался рядом и, протянув руку, аккуратно коснулся моей щеки подушечками пальцев. Кожа под ними загорелась румянцем смущения, а я ощутила то, что никогда не ощущала рядом с мужем. Ладонь его скользнула вниз, коснувшись груди, потом пресса, а после устремилась к бедру. Мое тело ощутимо и заметно вздра-

гивало от каждого касания и сильного желания; вздрагивало оно и от вожделения этого красивого мужчины. Тяжелое слышимое дыхание обнажало необузданное возбуждение, борьба с которым не имела смысла. Негромкий стон побудил Кирилла к действию: резко схватив меня за плечи, он дернул тело на себя и с жадностью впился поцелуем в губы. Я издала громкий стон блаженства, ощущая, как низ живота наполняется жаром. Сильные мужские руки скользили по напряженным мышцам, а я в спешке расстегивала ремень брюк, стремительно лишаясь терпения. Неожиданно отстранившись, Кирилл взял меня за запястье и подвел к столу. Смахнув канцелярские принадлежности на пол, он развернул меня спиной к себе и, вцепившись пальцами в шею, нагнул на стол. Его поспешные грубые толчки сопровождалась моими громкими нескончаемыми стопами. Пальцы до онемения сжимались на краю столешницы, а я кусала губы, дрожа от возбуждения, которого, казалось, никогда ранее не испытывала. Кирилл, впиваясь пальцами в косые мышцы живота, продолжал двигаться быстро, резко и грубо, даря наслаждение и боль одновременно. Необъяснимое безумие управляло нами, не обязывая мыслить и анализировать происходящее. Коктейль из инстинктов и гормонов опьянял здравый разум, позволяя придаваться разврату. Он развернул меня к себе и, усадив на край стола, снова прижался бедрами плотную. Я сжимала пальцы на его скользких руках, по которым стекали крупные капли пота от невыносимой духоты. Кожа

горела и прилипала к моей, доставляя удовольствие. Кирилл наклонился к лицу и чувственно поцеловал губы, иногда покусывая их. Еще несколько быстрых движений – и я выдохнула стон, зависший в плотном воздухе кабинета, и откинулась на стол. Он опустил голову и прижался торсом ко мне, уткнувшись носом в шею. Кирилл продолжал жадно дышать мной, а его мышцы синхронно сокращались, позволяя чувствовать монотонную дрожь.

Наконец-то совладав со своим дыханием и отстранившись, он потянул меня за руку на себя. Я, поддавшись, прыгнула со стола и оказалась в его объятиях. Поцелуй желания и страсти снова сблизил наши губы. Ладони Кирилла продолжали скользить по все еще влажному телу, от чего его дыхание опять набирало обороты, ускоряясь, а мышцы напрягались от вновь нарастающего возбуждения. Сердце билось громко и ощутимо. Касаясь изогнутой поясницы, его пальцы путались в моих волосах, прилипающих к мокрой коже. Я мечтала о повторении безумия, но мобильный Кирилла сделал мечту несбыточной. С трудом справляясь с сексуальным желанием, он ответил на звонок и отвернулся к окну, дабы усмирить дыхание, которое ускорялось при виде обнаженной спортивной фигуры. Как только возбуждение ослабило хват, я испытала неловкость, смущение и даже стыд, за произошедшее ранее. В спешке подняв вещи с пола, я беззвучно выскользнула из кабинета.

Стоя под обжигающими струями воды, я всматривалась в

мутное от пара зеркало, заставляя себя наконец-то очухаться от случившегося. Но это было сделать невероятно сложно, так как такой секс, наверное, не забывается никогда. То, что испытала я, находясь во власти этого мужчины, вот так просто вычеркнуть из памяти невозможно. Желание было одно – сутки на пролет без передышки чувствовать болезненное наслаждение и Кирилла внутри возбужденного тела. Ни вода, ни душистое мыло не смогли смыть аромат мужской кожи. Этот запах страсти угрожал вечно преследовать меня, раздражая чувствительные рецепторы обоняния.

Я натянула на распаренную покрасневшую от горячей воды кожу костюм и, рухнув на кровать, закрыла глаза. Несколько минут тишины – и дверная щеколда пронзила пространство звуковой стрелой. Я тут же подняла веки, уставившись на свое отражение в зеркальном потолке. На лице блеснул испуг, как новогодняя мишура на елке, не предвещающая ничего хорошего. Напряжение Кирилла, все еще стоящего на пороге комнаты, я чувствовала даже на расстоянии. Наконец он вошел в помещение. Щелчок щеколды снова пронзил теплый воздух. Я закрыла глаза, вслушиваясь в звуки: мужской тяжелый вздох; неспешные, еле уловимые шаги; слышимый глубокий вдох и мгновенный громкий выдох, намекающий на обреченность и безвыходность. Распахнув глаза, я уселась на кровати в позе лотоса и ожидающе уставилась в спину Кирилла, стоящего у незанавешенного окна. Он повернулся ко мне, сунув заметно дрожащие руки в

брючные карманы, тем самым вызвав подлинный ужас. Этот ужас так кололся где-то в глубине грудины, что расслабиться было невозможно. От волнения сжимая собственные пальцы правой руки, я чувствовала неприятно холодный металл обручального кольца, чувствовала шероховатости бриллиантовой россыпи, покрывающей всю его поверхность.

— Сабуров передал юристу документы... – тихо начал он, потупив взгляд. – А завтра утром я передам ему тебя.

— «Передашь»? – опешила я от услышанного, осознав, что по-прежнему являюсь для этих мужчин бесполезной пешкой, которой пора было покидать шахматную доску.

Кирилл поднял на меня глаза, а я тут же откинулась на спину и опять закрыла глаза, дабы слезы отчаянья не имели возможности скользнуть вниз по пылающим щекам.

— Ну наконец-то, – шепнула я и талантливо изобразила облегченный выдох.

Неловкая пауза – и Кирилл вышел из комнаты, закрыв за собою дверь.

Всю ночь я провела без сна. Собственные мысли угнетали, не оставляя наполненную болью голову в покое, не позволяя отключиться хотя бы на несколько часов. «Неужели ты надеялась на то, что Сабуров откажется от тебя в пользу этого злосчастного завода?» – задавала я себе же вопрос, не нуждаясь в ответе. Этот иуда никогда не позволит мне вдохнуть аромат свободы. Наверное, он готов жить в нищете, только бы я остаток дней мучилась в неволе под его пристальным

надзором. «Но тогда почему новость о твоём возвращении в вечный каземат так удивила тебя? Ты что, осмелилась подумать, что Кирилл позволит тебе остаться в его доме? – искренне удивилась я собственной же глупости и наивности. – Да, – сказала я про себя, – я до последней секунды надеялась на то, что он позволит мне остаться рядом, остаться в его доме».

Небо становилось все светлее и светлее, а я по-прежнему лежала неподвижно, нервно покусывая нижнюю губу с каждым разом сильнее зажимая ее кожу зубами. Робкий стук в дверь вызвал тяжелый вздох. На пороге появился Кирилл.

— Нам пора, – негромко сказал он.

Меня словно окатили кипятком. Я мгновенно подскочила с кровати и, оказавшись подле, ухватила его за руку.

— Ты отдашь меня ему? – дрожа от страха, прошептала я и сильнее сжала пальцы.

— Сандра, – скользнув взглядом по моему лицу, Кирилл опять отвел глаза в сторону, – я поставил условие – Сабуров выполнил его.

— А ты сомневался в этом?

— Не сомневался, – все же посмотрел он на меня и в который раз вздохнул. – Вот только я же не знал, что его жена молодая и красивая.

— Думаешь, он бывшую жену оставил бы тебе на растерзание?

— Нет, не думаю, но мне было бы все равно.

— Кирилл, пожалуйста, придумай что-нибудь. Не отдавай меня ему. Я не могу больше находиться в его доме, не могу больше находиться рядом с ним. Прошу тебя...

Он заглянул в мокрые от слез глаза и, высвободив руку из моих дрожащих пальцев, отступил назад.

— Я не хочу, – произнес Кирилл холодно, отводя взгляд в сторону. – Поехали, Александра.

Он направился в сторону лестницы, оставив меня на пороге у распахнутой двери. Я не могла поверить в происходящее. Все напоминало сон, которого я была лишена этой ночью. В памяти остались лишь жалкие обрывки и ошметки воспоминаний, которые навечно въелись в подсознание, будто ржавчина – в кусок металла: его напряженное безмолвие и показное безразличие; его отстраненный взгляд, когда он садил меня в чужую машину; его ревуший «Кадиллак», несущийся следом; и мое сердце, которое билось в конвульсиях, «предвкушая» встречу с тираном.

Седан, выскочив на пыльную обочину пустынной трассы, остановился. Джип Кирилла пронесся мимо и, притормозив метрах в пяти от него, свернул на еле заметную в траве проселочную дорогу, устремившись в сторону хвойного подростка. Я нервно продолжала кусать губу, сдерживая душасщие слезы, не позволяя им покинуть глаза. Еще несколько минут – и вдалеке показался «Тахо», а я перестала дышать, вцепившись пальцами в низ толстовки. Хотелось бежать без оглядки куда-нибудь в лес, который тянулся вдоль всей загородной

автомагистрали. Машина Сабурова остановилась в нескольких метрах от нашей. Из салона на асфальт выпрыгнул водитель и немедленно распахнул заднюю дверь. Когда я увидела Дамира, тело содрогнулось от ужаса. Зубы продолжали искусывать нижнюю губу, а пальцы судорожно сжиматься на плотной ткани спортивной кофты. Водитель седана тоже оказался на улице и открыл пассажирскую дверь.

— Выходи, – сказал он мне и отошел в сторону, освобождая путь в преисподнюю.

Я выбралась из салона, чувствуя невероятную дрожь в ногах. Сердце продолжало бить в виски, словно в набат, ладони были мокрыми от пота, а спина покрывалась испариной от неизбежного. Сабуров направился в сторону седана. Мне ничего не оставалось, как двинуться ему на встречу. Оказавшись в его крепких руках, я таки не смогла сдержать слез. Само собой, Дамир решил, что плачу я от счастья и долгожданной встречи, а мне хотелось закричать на весь мир, что ненависть к мужу доживает мою обреченную на пожизненные муки душу, причиняя нестерпимую адскую боль. Наконец он избавил меня от своих ненавистных объятий, а мой взгляд выхватил из густых зарослей леса «Кадиллак». Кирилл, сидя неподвижно, крепко сжимал рулевое колесо, пристально глядя на нас исподлобья. Забыть этот взгляд негодования я уже никогда не смогу. Картина нашей «долгожданной» встречи, несомненно, злила его, вызывая во мне недоумение, ведь он добровольно передал меня в руки палачу,

хотя мог этого и не делать. Злое лицо Кирилла вызывало во мне отвращение и неприязнь.

— Саша, не плачь, – с фальшивой нежностью в голосе, произнес Дамир, от чего меня заметно передернуло, – уже все позади. Все хорошо.

«Нет! Не хорошо!» – крикнула я мысленно, глядя в его жестокие черные глаза.

— Ты в порядке? – спросил участливо он, поспешно осмотрев меня с головы до ног, в поисках увечий. Не ответив, я избавилась от его рук, сжимающих мои плечи, и направилась к внедорожнику. – Стерва, – зло прошипел Дамир в спину, понимая, что мое отношение к нему не изменилось ни на йоту.

Дома меня ожидала (вернее не ожидала) еще одна неприятная встреча – застыв на пороге, я посмотрела на Алию, как всегда, жующую какую-то отвратительную сдобную булку. Она с ненавистью рассматривала меня, брезгливо кривя нерусскую физиономию, вызывая гневные спазмы. Сглотнув пережеванный кусок, Алия прошипела:

— А я надеялась, что ты сдохнешь в плену. И на кой черт отец приволок тебя сюда? – спросила она, глядя на меня с превосходством, и жадно вгрызлась зубами в бедную булку.

— Заткнись, сука! – прошипела я с ненавистью, глядя на ее толстые диатезные щеки с отвращением.

— Надеюсь, тебя держали как собаку на цепи, в сыром грязном подвале, – продолжала извергать яд она, – без еды

и воды...

— Я убью тебя! – успела я сделать всего пару шагов в ее сторону, как была несправедливо остановлена.

— Замолчи, стерва! – прошипел в затылок Сабуров, с силой сжимая пальцы на моей руке.

Лицо Алии светилось от счастья, а меня это жутко бесило, вынуждая вздрагивать от гнева.

— Когда-нибудь твой папочка не успеет меня остановить... – снова прошипела я, с отвращением взглянув на ее круглый живот.

Дамир дернул меня за руку, резко развернув к себе. Его взгляд, полный ненависти, уничтожил нервные клетки, делая из меня запуганное и от этого озлобленное существо.

— Ты не стоишь тех денег, что я отдал за тебя, – произнес он, продолжая сжимать пальцы на стремительно немеющей мышце. – Не смей даже приближаться к ней, иначе я закопаю тебя в саду, под будкой твоей тупорылой псины.

— Давай, – зло улыбнулась я, глядя в его глаза с вызовом. – Надеюсь, он сожрет тебя, когда ты пьяный придешь помянуть меня на могилу...

Взбесившись, Сабуров больно дернул меня за руку и, подтолкнув в сторону лестницы, процедил сквозь зубы:

— Иди к себе и не попадайся мне на глаза!

Я раздула ноздри от раздражения и, одарив его, а после и Алию злобным взглядом, поплелась в свою комнату, намеренно делая это как можно медленнее. «Когда-нибудь, когда

твой психованный папаша утратит бдительность, я непременно выцарапаю тебе глаза!» – заявила я мысленно, еще разок взглянув на Алию.

На город опустилась ночь, накрыв бархатным черным сукном его жителей с головой. Для ночлега Сабуров избрал гостевую комнату, и меня это только обрадовало. Дождавшись, когда обитатели двухэтажного *серпентария* уснут, я отправилась в кухню. Этот омерзительный особняк нравился мне чуть больше в ночном полумраке и тишине. Распахнув холодильник, я достала большое зеленое яблоко и длинную палку колбасы, которую наверняка в дом приперла беременная курица Алия. Она без передышки поглощала что-то съестное и гадкое, жирея на глазах.

Распахнув стеклянные створки, я вышла в сад и сразу же направилась к будке, у которой лежал черный алабай с бело-снежной грудью. Он мгновенно поднял голову, настороженно взглянув в сторону дома, но, увидев меня, тут же расслабился. Его куцый хвост зашевелился, демонстрируя радость. Я села на газон, опустив руку на его широкий лоб. Барон повел носом, унюхав колбасу, и облизнул свою клыкастую пасть слюнявым языком.

— Привет, – улыбнулась я, рассматривая карие глаза, блестящие в свете садовых фонариков. – Я скучала по тебе.

Слеза скатилась по холодной щеке от осознания собственного бессилия. Я протянула Барону колбасу – он аккуратно взял ее и опустил на траву у своих лап. Пес фыркнул мокрым

носом и в знак благодарности лизнул мою руку.

— Если бы ты сожрал его, то нам не пришлось бы сидеть на цепи.

Барон снова фыркнул, обнюхал мое лицо, отчего-то чихнув два раза, и принялся пожирать колбасу, чавкая от удовольствия и периодически облизывая пасть.

Сабуров всегда побаивался пса и практически никогда к нему не подходил. Однажды, будучи пьяным, он имел неосторожность приблизиться к алабаю, который на дух не переносит запах алкоголя. Так вот, Барон в гневе сорвался с цепи, кинувшись на Дамира и вцепившись ему в предплечье. Тот каким-то макаром умудрился левой рукой достать пистолет и выстрелить в пса. Я никогда не забуду, как Барон, словно разъяренная машина для убийств, мертвой хваткой сжимал руку этого живодера, рыча то ли от боли, то ли от злости. Оттянуть его смогли подоспевшие сабуровские опричники, принудительно разжав пасть. Только благодаря мне пса оставили в живых. Дамир хотел его пристрелить как дикое животное, но мои слезы, по-видимому, тронули его и заставили проявить жалость. С тех пор Барон любил меня до безумия, никого к себе более и не подпуская. Вся забота о нем легла на мои плечи: каждую ночь я выходила в сад, чтобы сменить повязку на его ране (по наказу ветврача), а он вылизывал мои руки и лицо в знак признательности и любви. Да, я могла бы спустить его с цепи и, указав рукой на Сабурова, произнести заветное «Фас!», но я не могла придать

Барона, послав на верную гибель. Он бы вмиг порвал Дамира в ключья, но не прожил бы после этого и нескольких минут, так как имел место быть приказ: убить при очередном проявлении агрессии.

Откусив яблоко, я взглянула на Барона, в два счета разделавшегося с колбасой. Он продолжал аппетитно причмокивать и периодически облизываться, глядя на меня своими грустными глазами, полными карей преданности. Протянув ему оставшуюся половину яблока, я улыбнулась, глядя как его большущие клыки впиваются в сочную хрустящую мякоть. Снова послышалось чавканье, заглушающее стрекотание сверчка, уже не первый месяц держащего осаду куста розовой гортензии. Позади зашуршала трава. Я перестала дышать, почему-то ожидая услышать голос Сабурова. Барон напрягся всем телом, поднимаясь на лапы. Густая шерсть вздыбилась на холке, а он негромко зарычал, морща нос.

— Убери пса, – попросил Ник, похоже, остановившись в нескольких метрах от меня.

— Свои, Барон, – тихо сказала я, глядя на его озверевшую морду. Он не реагировал на мои слова, продолжая рычать и скалиться. – Фу! Нельзя! – придала я голосу строгости. – Сидеть! – Барон как-то разочарованно выдохнул и опустил свой мощный зад на газон. – Молодец, хорошо, – шепнула я и опустила ладонь на его безухую голову. Воодушевившись похвалой, он увалился на живот, положила свою тяжелую лапу мне на ногу.

– Зря ты, Сашка, поощряешь его агрессию, – осуждающе сказал Никита, усаживаясь рядом со мной. Он протянул мне кружку, источающую горький кофейный аромат. – Когда-нибудь Сабуров пристрелит его.

— Быстрее я пристрелю Сабурова, – недовольно фыркнула я, подражая Барону, и приняла горячую кружку из его рук.

– Ну смотри, – вздохнул Ник.

Я сделала пару глотков любимого напитка и повернула лицо к нему.

— Ну как ты? – спросил он, поглядывая на внимательный, сосредоточенный на нем взгляд алабая.

— Лучше и быть не может, – солгала я, уставившись на блестящий нос пса.

Никита хмыкнул, всем своим видом демонстрируя неведение.

— И как тебе Хромов?

— Кто? – повернулась я к нему.

— Его высочество Кирилл Алексеевич, – хихикнул он.

— Ах, этот... – придала я лицу безразличие. – Да никак.

— Он с тобой хорошо обращался? – не унимался Никита, продолжая допрос явно не для протокола.

— Отвратительно: держал на цепи как собаку... Слушай, – начала я, отмахнувшись от гнетущих мыслей, – ты не знаешь, когда Сабуров едет в очередную командировку?

— Через три дня летит во Владивосток, а что?

– Надолго?

– Дней на семь-восемь.

— Отлично! – обрадовалась я, потрепав Барона за то, что осталось у него от купированного уха.

— Ты что задумала?

— Ничего особенного, – пожала я плечами, – хочу напиться до положения риз в баре, ну, или в клубе – без разницы.

— Я в этом не участвую, – замотал головой испуганный Ник. – Алия следит за нами, ты что, не заметила? – шепнул он как можно тише, наклонившись ко мне как можно ближе. – Она явно что-то подозревает. Потом все папочке доложит. Не хочу быть заживо похороненным под будкой Барона, – кивнул он в сторону наблюдающего за ним пса. Тот поднял голову с лап, явно не испытывая симпатии к непонятному для него человеческому жесту.

— Это моя усыпальница, – погладила я пса, дабы он расслабился. – Мне ее муж обещал, – неясно чему обрадовалась я, расплывшись в улыбке.

— Дура, – недовольно скривился Ник, – нашла чему радоваться.

— Скорее бы эта курица разродилась, – заполнил мой шепот образовавшуюся паузу.

— Это что-то изменит?

— Несомненно. Как только ребенок появится на свет, я смогу укоротить поводок Алии метра эдак на два, как минимум...

— Кстати, пока тебя не было, она искала документы в ва-

шей комнате. Папаша застукал ее за этим *грязным делом* – ей несладко пришлось, – Ник игриво подмигнул.

— Ну как можно быть такой идиоткой? – закатила я глаза от врожденной тупости сабуровского отродья. – Неужто она, и правда, думает, что я компромат прячу под носом у Дамира?..

Барон вновь настороженно поднял голову и уставился за наши спины. Я резко замолчала. Никита посмотрел на меня, а я – на него. Пес поднялся на лапы и хищно зарычал, обнажая острые клыки. Глаза его светились в свете фонарей как-то жутким неоновым-синим цветом.

— Успокой свою псину, пока я не пристрелил ее, – услышался не менее хищный рык Сабурова.

— Нельзя! – строго сказала я, ухватив Барона за ошейник. – Фу! Лежать!

Он недовольно покосился на меня, громко фыркнул, напоминая дикого жеребца и, дернувшись резко всем телом, вырвал ошейник из моих пальцев. Развернувшись, Барон зашел в будку, выражая тем самым пренебрежение к моей покорности. Я мгновенно поднялась с травы и, обернувшись, посмотрела в злые глаза мужа.

— Иди спать! – приказал он, глядя то на меня, то на Никиту, застывшего у меня за спиной.

Я, направившись в дом, с трудом сдержавшись, дабы не прошипеть напоследок что-то эдакое – цепкое и гадкое.

С горем пополам пережив мучительные три дня до отъезда Дамира, я с облегчением вздохнула, когда он, прихватив чемодан, укатил в аэропорт. Там, за высокими воротами дома, меня с нетерпением ждала свобода, поэтому медлить было нельзя. Я ловко нанесла макияж и, натянув самое короткое и до безобразия пошлое платье, что имелось в моем гардеробе, выглянула за дверь. Вроде бы как было и тихо, и пусто. Подкравшись к лестнице на цыпочках, я взглянула вниз: Алия, сидя на диване перед экраном телевизора, ожидаемо что-то жевала, иногда запивая это что-то молоком из высокого стакана. Недовольно скривившись и нервно поджав губы, я направилась в ее комнату, раздраженно пофыркивая и сжимая от злости кулаки. «Гадина! Она нарочно сидит там, чтобы контролировать мои передвижения!» – собственные мысли подливали масло в огонь, пытаюсь разжечь междоусобицу. Распахнув настежь дверь, я уставилась на Артема, в свою очередь уставившегося на меня с искренним удивлением. Приопустив крышку ноутбука, он стянул с головы большие наушники при этом продолжая внимательно смотреть на мое недоброе лицо. Войдя в комнату полностью, я с отвращением взглянула на большого плюшевого медведя, сидящего на супружеском ложе и прижимающего к себе алое сердце.

— Забери свою ненормальную женушку из гостиной! – приказала я, ощущая неприятный тремор рук.

— Что значит – забери? – опешил Артем. – Она что, вещь?

— То и значит, – не ответив на глупый вопрос, нарочито скривилась я. – Уложи ее спать. Поздно уже.

— Да она что, ребенок маленький, чтобы я ее спать укладывал? – он приподнял удивленно брови, продолжая рассматривать злое лицо и пытаясь отыскать на нем признаки тихого помешательства.

— Слушай, – начала я угрожающе, уперев руки в бока, – Сабуров ведь не навсегда уехал. Очень скоро он вернется, а я могу не сдержаться и выдать вашу маленькую тайну. Знаешь, я в последнее время стала совершенно несдержанной и к тому же очень болтливой, а секреты и вовсе хранить разучилась.

— Да что я могу сделать?

— Да что угодно! – разозлившись, повысила я голос. – Трахни ее, но убери с глаз долой!

— Она же беременная, – с каким-то отвращением сказал Артем, скорчив брезгливую мину.

— В этом нет моей вины, – хмыкнула с насмешкой я.

— Ладно, – вздохнул он, поднимаясь с кресла.

— И, будь добр, сделай так, чтобы она до утра не выходила из комнаты.

— Ладно, – повторил Артем с идентичным вздохом.

Вернувшись к себе, я подняла ботильоны с пола и, прижавшись спиной к двери, замерла, вслушиваясь в звуки. Очень скоро Артем и Алия вошли в свою комнату, а я беспрепятственно спустилась вниз. Ну а дальше все по накатан-

ной: оказавшись в гараже, я устроилась в просторном багажнике кроссовера, Ник – за рулем, и мы покинули сабуровскую обитель.

Спустя час я уже сидела у барной стойки ночного клуба под шипучим названием «Крем-сода». Молоденький симпатичный бармен активно подливал в мой стакан что-то сладкое и одновременно горькое, а я торопливо опустошала его, дабы спирт не успевал испаряться. Соблазнительный дурман в голове заметал следы, оставленные в моей памяти призраемым мною сатрапом.

Я была уже достаточно пьяна и, скорее всего, не от алкоголя, а от забористой независимости, когда мой сладостный покой нарушил до боли знакомый голос:

— Привет, – сказал он, заставив сердце ёкнуть.

Испуганно повернувшись вправо, я вежливо отказалась от вдоха, наткнувшись взглядом на Кирилла. Пьяное сердце, споткнувшись, куда-то заторопилось, а я спешно отвернулась, схватившись за вновь наполненный барменом стакан. «Сука, – мысленно прошипела я, – и как у него только хватает совести смотреть мне в глаза? Как у него хватает совести приветствовать меня после того, как он собственноручно передал меня в руки живодера?» Я извлекла купюры из кармана косухи и, бросив их на стойку, спрыгнула со стула.

— Сандра, – позвал негромко Хромов, желая меня остановить, но у меня, как у муниципального общественного транспорта, остановки по требованию в маршрутном листе

отродясь не было.

Нарочито фыркнув, я ринулась к выходу. Танцующие нетрезвые малолетки мешали моему свободному проходу и стремительному удалению, что не могло не злить. Выскочив из зала, я оказалась в длинном тускло освещенном коридоре. Совсем немного оставалось до двери, отделяющей душевное помещение от улицы, как я была насильственным путем остановлена и развернута в противоположную выходу сторону. Взгляд негодования наткнулся на Кирилла, вцепившегося в мое плечо, подобно раку, вцепившемуся в руку Греки.

— Сандра, стой, – практически шепотом попросил он.

— Отпусти! – прошипела я в ответ на его раздражающий шепот.

— Давай поговорим.

— О чем с тобой говорить? О выгодном ликеро-водочном приобретении? – Кирилл не ответил, все еще сжимая пальцы на моем онемевшем бицепсе. – Отпусти меня! – повторила я приказ и дернула руку. – А иначе я все расскажу мужу – поедешь рыб кормить на Чудское озеро!

— Сандра, послушай, тогда я не мог поступить иначе, но сейчас я могу избавить тебя от Сабурова.

– Да ты что, не в себе? – скривилась я, из последних сил подавляя желание освободиться из-под сабуровского ига. – Кто тебе сказал, что я хочу избавиться от него?

Хромов замер, а его пальцы утратили былую силу. Окинув изумленным взглядом мое лицо, он отпустил руку и от-

ступил назад.

— Больше никогда не смей даже приближаться ко мне! — грозно сказала я и стремительно покинула его общество.

Что-то эфемерно-теплое коснулось моей щеки. Потянувшись, я приоткрыла глаза, тут же сощурившись от яркого утреннего солнца, выглядывающего из-за горной вершины. Содрогнувшись, я подскочила с кровати и осмотрелась: интерьер комнаты Кирилла вызвал ужас. Перед глазами пронеслась вся моя непутевая жизнь, а следом за ней — Никита, ожидающий меня у ночного клуба; Алия, жаждущая моей смерти; и Сабуров, готовый в любой момент *утолить жажду* любимой доченьки. Как я оказалась в доме Хромова — загадка. Я прекрасно помнила, что покинула «Крем-соду» в гордом одиночестве, помнила, что... нет, ничего больше я не помнила. Совсем ничего.

Повторно осмотревшись и обнаружив свои вещи, я принялась натягивать их на мокрое от кортизолной испарины тело. Руки дрожали, волосы падали с плеч, шелковое платье не скользило по коже, омерзительно прилипая к ней.

— Сандра? — обездвижил меня удивленный голос Кирилла. — Что случилось?

Я опустила подол платья, наконец прикрыв свою искательницу приключений, и подняла испуганный взгляд на него.

— Что случилось? — переспросила я, судорожно откинув прядь с плеча. — Какого лешего я тут делаю?

— Не понял, — опешил Хромов.

– Чего именно ты не понял? Какого рожна и на кой черт, интересно знать, ты припер меня сюда?

— Ты захотела – я и припер.

— Я была пьяна! – раздраженная его глупостью, крикнула я, сжимая пальцы в кулаки. – Чем ты только думал?! Ты хоть понимаешь, что Сабуров сделает со мной?!

— Сабурова нет в городе, – напомнил Хромов, чем еще больше разозлил меня.

— Сабуров не единственный мой враг! – крикнула я еще громче.

Он тут же оказался рядом и, схватив меня за руку, прорычал, наклоняясь к лицу:

— Не смей повышать на меня голос!

— Не смей прикасаться ко мне! – прорычала я в ответ.

— Убирайся из моего дома! – взбесился Кирилл, подтолкнув меня к выходу.

— С удовольствием! – намеренно крикнула я, дабы позлить этого идиота.

Громкий хлопок двери прекрасно справился с ролью точки, поставленной мною в «трогательной» и «лирической» сцене нашего прощания.

Переступив порог каземата, я обернулась: близ кухни стояла Алия с сияющей улыбкой на округлом розовом лице. Она развернула шоколадную конфету и сунула ее в рот.

— Когда вернется отец, – чавкая, начала она, – он убьет тебя.

— Простые углеводы разрушают мозг.

— Ага, – согласилась Алия, продолжая чавкать от удовольствия, – но ты все равно сдохнешь раньше меня. Между прочим, отец уже знает, что ты всю ночь шлялась по мужикам и не ночевала дома.

— Настучала? Молодец!

— К сожалению, не успела настучать, меня лишили этого удовольствия, – кривляясь, ехидно сказала она.

— Сука, – буркнула я себе под нос, не имея более сил держать себя в руках.

Бросив куртку на пол, я сдвинулась с места. Алия шагнула назад – улыбка сползла с ее лица. Две секунды – и я оказалась рядом с этой неумной мажоркой. Наверное, машинально она попыталась закрыть лицо ладонями, опасаясь, что именно в него я вцеплюсь ногтями. Это неосторожное движение и спровоцировало меня на нападение, ведь трогать ее руками я уж точно не собиралась, зная о последствиях. Резкий жест Алиии вынудил меня защищаться, а, как известно, лучшая защита – это нападение. Я вцепилась в ее пухлые руки – она оглушительно завизжала от боли. Мои ногти легко вонзались в нежную холеную кожу, перепачканную кровью, которая струилась из царапин.

— Отпусти ее! – прошипел мне в ухо Никита, пытаясь отодрать меня от Алиии. – Ты с ума сошла?

Опомнившись, я разжала пальцы и оказалась в его руках. Алия с ужасом смотрела то на меня, то на свои окровавлен-

ные предплечья, периодически вытирая слезы с алых щек.

— Если хоть слово скажешь Сабурову, я сдам тебя, – предупредила я, пытаюсь унять распоясавшуюся ярость.

— Хватит! – рявкнул Ник, скорее, от страха и, схватив меня за руку, потянул в кухню. – Ты ума лишилась? – спросил он, когда мы оказались в саду у будки Барона. – Полный дом охраны. Они все донесли бы Дамиру, если б увидели то, что ты тут вытворяешь. Да ты хоть представляешь, что будет, узнай он о твоих выходках?

— О каких выходках? – флегматично спросила я, увалившись на газон. Барон подошел ближе и, наклонившись надо мной, лизнул лоб. – Фу! – раздраженно отмахнулась я и вытерла его тыльной стороной ладони. – Нельзя!

Пес как-то по-человечески обиженно вздохнул и лег подле, вытянувшись вдоль моего тела.

— Она полная идиотка, но провоцирует тебя очень умело, ты заметила? – Ник тоже вздохнул и опустился на траву. – Не обращай на нее внимания и уж тем более руки держи при себе: у вас силы неравные.

— У меня нет больше сил, держать себя в руках...

Большой жук пролетел над нами, громко потрескивая крыльями, и совершил жесткую посадку где-то в районе сакуры, рухнув в траву. Барон поднял голову, удивленно уставившись на дерево. Его блестящий нос попытался понюхать жука на расстоянии, но, похоже, так и не уловив запаха, разочарованно шморгнул. Пес протер его языком и наконец,

успокоившись, опустил голову на мою руку. Ветер тихо зашелестел листьями, мешая тишине равномерно смешиваться с прогретым солнцем воздухом.

— Ладно, – Никита повторно вздохнул. – Лучше расскажи-ка мне, куда ты делась ночью из клуба?

— Не помню, – соврала я. – Делась куда-то не туда, наверное. Я перебрала немного.

— И что?

— Ничего! Я заблудилась: перепутала выход с входом.

— Угу, смешно, – пробубнил он. – Сабуров, наверное, пол утра смеялся, когда ему сообщили, что тебя нет в доме и не было всю ночь.

— И что? – перекривляла я Никиту.

— Ничего! Теперь тебя не выпустят из дома до его приезда.

— Что? – раскрыла я рот от искреннего удивления, усевшись на траве. Барон насторожился, перевернувшись на живот и подняв голову. Он внимательно наблюдал за Ником, контролируя каждое его движение.

Я отстегнула карабин от ошейника и, поднявшись с газона, направилась в дом.

— Барон, ко мне! – отдала я команду – он тут же оказался рядом.

— Ты с ума сошла! – крикнул вдогонку Никита, но это не принесло положительного результата, на который, по-видимому, он рассчитывал.

На моем пути откуда ни возьмись возник Артем, остановив меня у подножья лестницы.

— Ты что натворила? – одновременно и сердито, и испуганно спросил он. – У нее все руки в царапинах.

— Я что, интересовалась ее руками? – скорчила я недовольную мину. – На кой ты мне об этом говоришь?

Барон оскалился и зарычал, сдвинувшись с места. Я успела ухватить его за ошейник.

— Алия расскажет все отцу, – шепнул заговорщицки он, покосившись на озлобленного пса.

— Ну если она решила овдоветь, то, конечно же, пускай расскажет.

По-видимому, Барону наш разговор не очень-то нравился. Рык становился громче, а лапы начинали движение в сторону Артема, натягивая ошейник.

— Ты же понимаешь, я не удержу его, – кивком указала я на обозленную лохматую тушу. – Тебе лучше уйти.

— Саша, она сказала, что все расскажет...

– Он сейчас кинется, – предупредила я, дернув пса на себя. – Фу! Нельзя! – повторно дернув Барона, я потянула его в сторону лестницы.

Войдя в комнату, я увалилась на кровать и позвала пса к себе. Он неуклюже взобрался на кровать и, обнюхав предварительно покрывало, улегся рядом. Я повернулась к нему и обняла за шею, уткнувшись носом в жесткую шерсть.

— Я больше не могу, – прошептала я, отстранившись.

Барон обнюхал лицо, прикасаясь к нему холодным мокрым носом, и стал слизывать слезы с щек, пофыркивая.

До приезда Сабурова я не отлипала от Барона. Это обеспечило мне покой и одиночество. Лежа головой на теплом мягком животе пса, я шепотом читала заученные наизусть стихотворения Сергея Есенина, иногда вытирая стекающие по коже слезы. Поэзия великого поэта всегда волновала мою душу, вызывая восхищение. Боль Сергея Александровича отзывалась во мне, заставляя испытывать жалость и сострадание. Мне было жаль его, но себя, конечно, больше. Барон, внимательно слушая любимые мною строки, периодически вздыхал и хлюпал сопливым носом, от чего казалось, что он тоже испытывает сентиментальные эмоции. Казалось, он плачет, понимая смысл прочтенных мною слов. Казалось, он разделяет мою безграничную любовь к творчеству Есенина... казалось...

Неделя истребителем в режиме форсажа пронеслась незаметно. Я сидела на газоне, рядом, как всегда, лежал Барон, тяжело дыша от невыносимого утомительного пекла. Дождеватели распыляли воду, увлажняя газон, низкорослые розовые кустики, взъерошенную шерсть пса и мою кожу, выливанную до бронзы солнечными лучами. Капли переливались красками, рисуя в воздухе радугу. Я, надувая жевательную резинку в пузырь, с интересом наблюдала за божьей коровкой, которая носилась по моей мокрой ноге взад-вперед, не зная куда деть себя от падающих сверху капель.

— Александра! – погубил мою беззаботность рычащий тембр мужа. – Подойди!

Скривившись от отвращения, я намеренно медленно поднялась с газона и подошла к нему. Потревоженная моя злость, выскочив из-за угла, вцепилась в глотку моему страху. Тот, взвизгнув и вырвавшись из ее пасти, ныркнул в узкую щель между легких. Я глубоко вдохнула и с вызовом посмотрела в жуткие глаза Сабурова. Он смотрел на меня так, как смотрят на маньяка, в уголовном деле которого – стопки фотографий с изображением изуродованных им трупов: с ненавистью, призрением, отвращением и... страхом? Откуда в его взгляде взялся этот симпатичный страх, так приглянувшийся мне? Один широкий шаг – и Дамир ухватил меня за руку, дернув на себя. Он наклонился к лицу и, глядя на меня в упор, прошипел:

— Что ты здесь устроила? Что за выходки? Ты жена депутата Сабурова, а не малолетняя шлюха! Тебе тридцать лет, а ты и по сей день не научилась вести себя достойно в обществе! Где ты шлялась всю ночь?

Я бережно хранила молчание, как золотой запас России, доверенный мне адмиралом Колчаком, с вызовом и немалой долей высокомерия глядя мужу в глаза. Его заметно начинало трясти от негодования.

– Сука, – продолжал шипеть он, – ты пожалеешь об этом. Иди в комнату! – приказал Дамир, подтолкнув меня к дому. – Супружеский долг никто не отменял! – меня аж пере-

дернуло от услышанного. Хотелось бежать без оглядки, куда глаза глядят, но, к сожалению, бежать мне было некуда.

Время безудержно несло вперед, а меня по-прежнему держали как невольницу взаперти. Всю свою энергию я оставляла в зале, уделяя как можно больше времени «железу» и бассейну, а вечера проводила, как правило, в обществе Барона, валяясь празднично на пушистом газоне. Вот и сегодня, после вечерней тренировки я вышла в сад, мечтая о покое и одиночестве.

Небо стремительно темнело. Молодой месяц, выбравшись из-за кромки леса, засеял безоблачную синюю пашню звездным зерном. Садовые фонари освещали благоухающие цветущие кустарники. Притаившийся под повислой березой сверчок иногда напоминал о своем присутствии в вечернем саду приятным стрекотанием. Барон дрых без задних лап, негромко похрапывая и шмыгая носом. Натянув на голову капюшон толстовки, я откинулась на спину, рассматривая звездный блеск. Беспардонный комар жужжал громко и противно, наматывая надо мною круги. Иногда отгоняя его от лица рукой, я тут же возвращала ее на холодный газон, запуская пальцы в траву.

— Сашка, – что-то шепнуло у меня над головой, спугнув готовящегося к атаке пикирующего комара. Я подняла глаза ко лбу, недовольно взглянув на Ника, нависшего над моим лицом. – Тебя Дамир зовет, еще тише прошептал он, кивая

в сторону кухонных дверей. – Они в холле.

— Они? – спешно уселась я, разбудив Барона. Тот, подскочив на лапы, зарычал. – Да тихо ты! – толкнула я его в бок.

— Там Алия и Артем, – продолжал шептать Никита, иногда поглядывая на распахнутые двери.

— Странно, – тоже шепнула я и тоже глянула на двери.

– Иди, – протянул он мне руку, – не заставляй его ждать, – схватившись за его горячие пальцы, я поднялась с газона. Выбора не было – пришлось идти.

Я вошла в гостиную и, скинув с головы капюшон, осмотрела присутствующих: Алия сидела на диване, держа за руку своего ненаглядного, Дамир стоял у камина, опустив локоть на полку, нависшую над топкой.

— Александра, присядь, – указал он рукой на кресло – я присела.

Взгляд мой скользнул по напряженному лицу Никиты, застывшего на пороге кухни, а потом по недовольной раскормленной физиономии Алии. Она, заметив мой интерес, демонстративно повернулась к отцу. Я последовала ее примеру.

— Я хотел сказать вам: тебе, Александра, и тебе, Алия, – по очереди посмотрел на нас Сабуров, – что меня совершенно не устраивает обстановка в доме. Совсем скоро здесь появится ребенок, – начал он издали, а Алия уставилась на меня в изумлении, наверняка заподозрив в беременности. –

Ваши постоянные склоки всех утомили. Алия, ты будущая мать и обязана поменять свое поведение: оставь, наконец, Александру в покое. Она никогда не покинет этот дом вопреки твоему желанию. Ты обязана смириться с ее присутствием и с тем, что она моя жена. Ты сделала свой выбор, – кивнул он в сторону Артема. – Я принял его и пошел тебе на уступки: позволил выйти замуж по любви. Ты же мой выбор принимать не намерена, как я погляжу. По-твоему, это справедливо по отношению ко мне? – Алия покачала головой, стыдливо опустив глаза. – По-моему, тоже. Ты была, есть и останешься моей дочерью. Твое место никто не займет, так же как никто не займет и место Александры, – Дамир немного помолчал и продолжил, обратившись ко мне: – А теперь ты, – он поместил на меня свои по-восточному раскосые глаза, – у Алии – бессрочная неприкосновенность: она моя дочь и носит под сердцем моего наследника. А ты никто и звать тебя никак, всего-навсего плюс один ко мне, и не более того. Так, будь добра, и веди себя соответствующе. Да, ты моя жена, но никакого отношения к моей дочери не имеешь и играть роль мачехи не будешь в связи с мизерной разницей в возрасте. Я ясно излагаю свою позицию? – опять взглянул он на нас с Алией поочередно. Она кивнула, а я провокационно фыркнула, нагло улыбнувшись. – А ты, дорогой мой зять, больше времени проводи со своей женой, чтобы у нее не было времени цеплять мою жену. Ясно? – строго спросил он Артема.

— Ясно, – покорно ответил тот.

– Это очень хорошо, что всем все ясно.

Фыркнув повторно, я отвернулась от сабуровской надменной физиономии.

— Иди к себе, Александра! – заметив мое недовольство, приказал Дамир.

С радостью подскочив с кресла, я замерла на месте, уставившись на влетевшего в гостиную охранника с пистолетом в руке. Он вмиг оказался перед Сабуровым, заслонив его своим широкоплечим торсом. Никита ловко выхватил из кобуры пистолет, направив его в сторону входа. За моей спиной послышался какой-то грохот, а после и шаги. В гостиную вбежали четверо мужчин в камуфляжной форме, черных балаклавах на головах и с автоматами в руках.

— Стволы на пол! – рявкнул один из них, направив дуло на Сабурова, а тот поспешно кивнул, заморожено глядя на вооруженную шайку.

Пистолеты с грохотом повалились на паркет. Никита пнул свой ПМ носком ботинка и поднял руки над головой. Дамир шагнул в мою сторону, по-видимому, желая оказаться подле.

— Стоять на месте! – зло рявкнул автоматчик, самый низкий из банды. – Еще одно движение – и я стреляю на поражение, – поставил он Сабурова перед фактом. Тот снова кивнул, демонстрируя покорность.

Один из налетчиков повесил автомат на плечо и подошел ко мне, схватив за руку. Я вздрогнула, взглянув на побелев-

шее лицо мужа. Казалось, он даже дышать перестал, наблюдая за нами. Мужчина потянул меня в сторону выхода, крепко сжимая пальцы на предплечье.

— Оставь ее! – рыкнул Дамир, самоотверженно сдвинувшись с места.

— Еще раз двинешься – и я пристрелю ее, – прохрипел худой и длинный, держа Алию на мушке.

Сабуров в растерянности глянул на посиневшую от страха дочь и опять повернулся ко мне. На его смуглых щеках играли жилы, а на вспотевшем лбу отчетливо виднелись три глубокие морщины.

Оказавшись за воротами дома, мужчина впихнул меня в салон «Хантера», громко захлопнув дверь этого раритета, причем не с первого раза. Сопротивляться я и не собиралась, так как мне по-прежнему было безразлично в чьем плену доживать остаток своих дней. Он повернул ключ в замке зажигания – внедорожник громко зарычал, вибрируя высоко стоящим на колесах кузовом, и осветил ночь, обволакивающую пустую улицу поселка, ярким светом круглых фар. Вжав педаль газа в пол, налетчик свободной рукой скинул ремень автомата с плеча и, бросив его на заднее сиденье, схватился за руль. УАЗ, рыча, бурча и завывая, быстро отдалялся от дома, закидывая стрелку спидометра вправо. Мужчина мельком взглянул на меня и стянул балаклаву с лица. Я замерла в оцепенении, рассматривая довольную физиономию Хромова. Он сиял ярче новенького тульского самовара, лукаво

улыбаясь.

— Что за цирк? – спросила я, насупившись.

— Что, не понравился? – подмигнул мне правым глазом Кирилл. – Жаль, медведя не привезли, было бы куда круче.

— Ты что, издеваешься? – прошипела злобно я. – На вопрос ответь! – повысила я голос, перекрикивая рев двигателя.

— На какой именно? – прикинулся он идиотом. – О цирке?

— Какого черта тебе от меня надо?

— А ты-то тут при чем? – хмыкнул он, недовольно взглянув на меня и спрятав глупую улыбку. – У меня притязания исключительно к твоему благоверному.

Я раздула от негодования ноздри, чтобы втянуть как можно больше воздуха в легкие для пламенной речи, но произнести ее не успела. Автомобиль прижался к забору чужого дома и заглох. Хромов уселся вполоборота и, схватив меня за плечо, притянул к себе. Желанный страстный поцелуй коснулся моих губ. О сопротивлении я не думала и в этот раз, так как моя похоть страстно желала прикосновений этого мужчины. Он вызывал сильное желание, отключая мозг от системы здравоснобжения разума, блокируя сигналы об опасности. Повиснув на его шее, я прогнула спину от возбуждения, ответив на поцелуй. Постановывая от желания, мне казалось, что я задыхаюсь от охватившей тело страсти. Она жаром наливала мышцы, сокращая их последовательно

и волнообразно. Кирилл с трудом отстранился и, тяжело дыша, прошептал:

— Ты больше не вернешься к нему.

Вновь впившись в губы поцелуем, он задышал еще тяжелее, чем прежде, не в силах отказаться от удовольствия.

— Я хочу тебя, – опять шепнул Хромов и сжал мои губы в своих, коснувшись их языком.

— Я не хочу тебя, – прошептала я в ответ, продолжая целовать его.

— Врешь.

— Нет, – целуя его влажное от пота лицо, возразила я.

Хромов отодвинул меня и пристально посмотрел в глаза. Его страсть развеялась, словно пепел по ветру, а взгляд стал холодным.

— Зачем ты...

Он так и не сказал то, что могло бы выразить степень его ошеломления и разочарования. Казалось, Кирилл не может поверить в то, что я в слуг и искренне произнесла это злосчастное «нет». Не мог поверить в то, что мой отрицательный ответ мог уживаться с подлинной страстью, не поддающейся контролю. Я желала провалиться сквозь землю куда-нибудь в чистилище, только бы избавиться себя от его обременяющего, грузного взгляда. Сильное желание сказать правду я поборола, ведь позволить себе такое увлечение, как любовник, имея такого мужа, как Сабуров, не могла, как и не могла приговорить человека к смерти просто потому,

что мною овладела страсть. Дамир никогда не позволит мне покинуть его дом и уберет любого, кто попытается помочь мне осуществить заветную мечту, которой не суждено было сбыться.

— Отпусти меня, пожалуйста. Я должна вернуться домой, – произнесла я, глядя в лобовое стекло для того, чтобы Кирилл не видел мох слез.

— Зачем? – он продолжал рассматривать профиль в полутьме. – Я же сказал, что ты не вернешься к нему.

— Мне нужно кормить пса.

— Какого пса, Сандра? – искренне удивился Хромов, аккуратно коснувшись моих холодных дрожащих пальцев.

— Лохматого, – смахнула я слезу со щеки. – Кирилл, я должна вернуться к нему.

— Должна? Ты уверена?

— Я хочу, – вцепившись в дверную ручку, я до боли сжала пальцы, чувствуя, как обручальное кольцо ранит кожу бриллиантовой россыпью, как оно ранит мою обреченную на плен душу.

— Хорошо, – с каким-то хладнокровным безразличием сказал он, отпуская дрожащие не от холода пальцы.

Чем ближе автомобиль становился к сабуровскому логову, тем больше мне хотелось передумать и, попытав счастье, сбежать с Кириллом, но вернувшийся здравый разум внятно разъяснил мне свою позицию, лишая надежды на свободу. Хромов смотрел прямо перед собой, не позволяя себе

касаться моего профиля взглядом разочарования. Он крепко держался за руль, периодически вдыхая врывающийся в приоткрытое окно холодный воздух. А я, напротив, больше не вдыхала, мечтая задохнуться не от боли, а от асфиксии, но легкие непроизвольно наполнялись кислородом, поддерживая жизненные показатели в пределах нормы.

Внедорожник прижался к каменному забору, остановившись метрах в двадцати от дома Сабурова. Кирилл по-прежнему смотрел прямо перед собой, сжимая пальцы на рулевом колесе. Мельком коснувшись взглядом его напряженного лица, я выскочила из салона. Джип взвыл и, скрипнув колесами, рванул с места. Поднятая покрывками с неасфальтированной дроги пыль взвилась вверх, погрузив меня в серую дымку. Я медленно опустилась на колени и, прижав ладони к лицу, зарыдала. Рыдания были громкими и отчаянными, наполняя длинную улицу панихидными звуками скорби. Непонятно откуда возник Сабуров. Поднимая меня с колен, он что-то говорил, но это что-то я не слышала и не понимала, продолжая рыдать от чувства обреченности. Он крепко держал дрожащую фигуру в руках, пытаясь отыскать на ней причину громких рыданий и отчаянных всхлипываний, но ему не суждено было рассмотреть зияющую рану, которую оставил Хромов в моей теперь уже пустой груди.

— Ты ранена? – взволнованно спросил он, продолжая осматривать меня и ощупывать ладонями. – Что он сделал? – не обнаружив ни крови, ни увечий, попытался выяснить Да-

мир, но я продолжала кричать от боли, рыдая взхлеб. – Хватит! Замолчи! – рявкнул он, желая привести меня в чувство. Сабуров встряхнул тело, которому были безразличны его желания, оно продолжало содрогаться от плача. – Звони врачу! – крикнул кому-то он и, прижав меня к себе, повел в сторону дома.

Успокоилась я только тогда, когда примчавшийся на зов депутата семейный врач при помощи инъекции разбавил мою кровь каким-то волшебным одурманивающим раствором. Там, в забытьи, куда меня отправил врачеватель, было до безумия хорошо, спокойно, а главное, безразлично. Вот только это безразлично, в отличие от хорошо и спокойно, никуда не делось поутру. Оно еще долго циркулировало с моей кровью, подавляя эмоции.

Втиснувшись в спортивный костюм, я стянула волосы в хвост и, стараясь не издавать лишних звуков, вышла из комнаты. Благо, в доме было пусто и тихо. Добравшись до кухни, я наполнила чашку кофе и, развернув протеиновый батончик, уселась на стул. Утреннее солнце, поднимаясь все выше и выше, заливало сад теплым светом. Его лучи переплетались с ветками пышных деревьев и путались в блестящей от росы паутине, которую так старательно вывязывали всю ночь длиннолапые пауки. Ветер играл невесомым тюлем, периодически то выдувая его на улицу, то вдувая обратно в дом. Цветущая липа слышимо шелестела листвой, а ее сладкий аромат наполнял помещение кухни. Но мне все это было

безразлично. Если совсем недавно подобные мелочи способны были доставить удовольствие, то сейчас я не испытывала ничего. Меня не восхищали обильно цветущие кустарники магнолии, не радовало утреннее пение птиц, не манил свежескошенный зеленый газон, не просыпалось желание потискать любимого пса. Даже мысли о Кирилле не способны были заставить бедное сердце сокращаться чаще. Надеясь на то, что любимое до дрожи «железо» сумеет пробудить эмоции от летаргического сна, я отправилась в зал. Но, к сожалению, даже «чудотворные» штанги и гантели не оправдали моих надежд. Я подошла к зеркальной стене и внимательно посмотрела в свои пустые глаза. «Он убил меня», – медленно сказала я про себя. Вот только не считая смерть уважительной причиной отказа от тренировки, я, скинув толстовку, приступила к разминке. Громкая музыка отвлекала от ненужных мыслей, ранее выпитый крепкий кофе наполнял организм энергией, смятый без зазрения совести и не учтенный в суточный калораж батончик заряжал силой. Тренировка была, как никогда, изнуряющей.

Опустив штангу на стойку, я подняла со скамьи полотенце и прижала его к лицу. Несколько секунд кислородного голодания – и я жадно вдохнула прохладный воздух кондиционера. Мой взгляд коснулся зеркальной глади, а тело вздрогнуло от неожиданности: за спиной стоял Ник. Я тут же убавила звук и повернулась к нему.

— Он уезжает завтра вечером, – негромко сказал Никита,

подходя ближе, – ты знала?

— Нет. Надолго?

— На сутки. Только это секрет. Дамир не хочет, чтобы кто-либо узнал об этой поездке.

— Тогда откуда узнал ты?

— Услышал его разговор...

— Подслушал? – перебив, хмыкнула я, всем своим видом демонстрируя фальшивое осуждение.

— Это имеет значение?

— Для меня, нет. Я поеду в бар и напьюсь до полусмерти.

— Угу, только чур я в этом не участвую.

— Почему?

— Охрана тебя все равно не выпустит из дома...

— Поможешь мне сбежать... – начала я, но Ник перебил:

— Куда тебе бежать? Эти игры с огнем до добра не доведут. Я же сказал, что больше не участвую в твоём «самоубийстве». Саша, он же не шутит. Эта мразь убьёт и не поморщится, но самое страшное – наказание за содеянное его никогда не настигнет.

— Плевать. Я устала бояться. Рано или поздно он все равно убьёт меня, это дело времени. Я хочу жить, а не сидеть в этом осточертевшем доме. Никита, я не могу так больше.

— Извини, – покачал он отрицательно головой, давая понять, что не намерен помогать мне.

— Если ты не сможешь, я в красках опишу Сабурову все позы, в которых ты трахал меня на нашем семейном ложе во

время его командировок.

— Ну и сука же ты... — с ужасом глядя на мой уверенный взгляд, прошептал Ник.

— Да, — согласилась я. — В этом мерзком мирке каждый выживает, как может.

— Хорошо, — кивнул он. — В бар, так в бар.

Никите удалось вывезти меня из дома в багажнике своего автомобиля, который в этот раз ищейки Сабурова даже шмагать не стали. Спустя час после моего побега я уже сидела за барной стойкой, потягивая мартини из конусовидного бокала, на дне которого мертвым грузом лежали бесполезные зеленые оливки, словно парочка разбухших утопленников, покрывшихся зеленой тиной. Ночь стремительно неслась вперед, напоминая экспресс «Рязань-Москва», который облюбовал губернатор Подрязанья, а я никак не могла ощутить алкоголь в крови. Не было ни легкости, ни опьянения, зато напряжения — хоть отбавляй. Цель не была достигнута, опять погружая меня в разочарование.

Спрыгнув с барного стула, я поплелась к выходу, сопровождая движения вздохами. Тело по-прежнему наполняла усталость и странная необъяснимая тяжесть. Оказавшись на парковке, я подошла к автомобилю Никиты, который он заботливо оставил мне, дабы не дежурить под стенами бара полночи. Теперь необходимо было забрать его из дома и, поместив себя в багажник, вернуться в «тюремную камеру» раньше конвоира. Разблокировав двери, я взялась за холод-

ную ручку, но нырнуть в салон не успела: какая-то сволочь уцепилась за мою руку. Обернувшись, я испуганно осмотрела лицо абсолютно незнакомого хмыря, стоящего неприлично близко ко мне. Он соорудил из губ улыбку, напоминающую омерзительный шакалий оскал.

— Привет, детка! – прошипел он, продолжая лыбиться, словно полоумный идиот, пребывающий в одиночной палате психиатрической клиники. – Я же сказал, что это жена депутата, – произнес он, повернув голову вправо, после чего я заметила еще одного такого же точно идиота.

— Да ладно, – покачал отрицательно тот головой, – она на шлюху больше похожа, нежели на жену слуги народа.

— Одно другому не мешает, – хихикнул полоумный с шакальей улыбкой.

Я стояла неподвижно, наблюдая за несимпатичными маргиналами. А причиной неподвижности был нож, зажатый в руке обладателя хищного оскала, все еще сжимающего мою руку в своих шершавых сухих пальцах.

— Вот это удача, – произнес тихо тот, что стоял чуть в стороне, – представляешь, какую награду за нее отвалит депутат? – мечтательно сказал он.

— Ну что, куда ее?

— Давай в дом моей бабки отвезем, там ее хрен кто найдет.

Острие ножа больно уткнулось в шею под подбородком, а шакалья морда наклонилась к моему перепуганному лицу.

— Только тихо, – прошипела морда и оскалилась.

— Убери руки от нее! – громко произнес до боли знакомый голос.

Мы втроем повернулись и уставились на Хромова, стоящего в свете фонаря и наблюдающего за происходящим, так сказать, со стороны.

— Вали отсюда, мужик, подобра-поздорову! – прошипел шакал, поскуливая.

Кирилл как-то разочарованно вздохнул, качнул головой и, мне даже показалось, закатил глаза от глупости этих идиотов, а после извлек из-за пояса пистолет. Затвор блеснул под светодиодной фонарной лампой, а предохранитель громко щелкнул, предупреждая о боевой готовности. Маргиналы переглянулись и вновь повернули опешившие физиономии к Хромову. Простофиля с улыбкой шакала спрятал нож за спину и отступил назад.

— Ну чё ты сразу не сказал, что это твоя девка? Мужик, ты это... не глупи... обознались мы... попутали... мы уходим...

Эти двое кинулись прочь, а я, повернувшись к Кириллу, вцепилась взглядом в его лицо. Он спрятал за спину пистолет и замер в ожидании, рассматривая мое лицо, по которому уже стекали горячие слезы. Я подошла к нему ближе, зачарованно глядя в любимые глаза, и прижалась к высокому телу, уткнувшись носом в рубашку. Тихий плач становился громче с каждым последующим вдохом. Держать себя в руках было бессмысленно, ведь такой тяжкий груз я удержать

никогда бы не смогла. Это слишком неподъемная ноша. Кирилл прижимал меня к груди, касаясь ладонью головы.

— Сандра, не плачь, – попросил он, прижавшись губами к виску.

Я тут же отстранилась и заглянула в серые глаза, пытаюсь найти в них утешение, но не было там ничего... абсолютно ничего... ничего, кроме чувства.

— Я люблю тебя, – не сдержавшись, призналась я, беспрерывно размазывая струящиеся слезы по щекам.

Он в упор смотрел на меня как на что-то немислимое, непостижимое, нереальное, фантастическое. Неожиданно Кирилл крепко прижал меня к груди и, наклонившись к уху, прошептал:

— Я люблю тебя, Сандра. Больше жизни люблю. Я не верну тебя ему. Я не смогу. Ты поедешь со мной? – снова отстранив меня от груди, он пристально посмотрел в мокрые глаза.

— Поеду, – сказала я, подкрепив сказанное кивком.

— Ты уверена? – спросил Хромов, коснувшись ладонью слезной щеки.

— Я уверена, Кирилл.

Когда шикарный черный «Кадиллак», подобно крылатой колеснице, летел по трассе, как мне казалось, в сторону земного рая, суля приятные перемены, я не думала о том, что слово «казалось» станет ключевым во всей этой истории. Два дня, проведенные рядом с Хромовым, навсегда останутся в

памяти. За эти короткие два дня я успею понять: мужчины умеют любить. Любовь Кирилла не миф, она реальность. Его любовь теплая и мягкая. Она мгновенно тает на языке, возбуждая рецепторы и вызывая зависимость. Она настолько приторно сладкая, что порой возникает желание ощутить горечь и терпкость, именно те, что присутствовали в нашем сексе. Раньше я не могла даже представить, что мужчины способны так любить: открыто, горячо, не стесняясь чувств, демонстрирующих слабость и уязвимость.

— Сандра, просыпайся! – разбудил меня ранним утром взволнованный Кирилл. – Надо срочно уезжать! – возбужденно говорил он, натягивая в спешке брюки.

— Что произошло?

— Он ищет тебя. Уже весь город на уши поставил: объявлен план «Перехват», менты шмонают всех без разбора.

Чем дольше я смотрела на Кирилла, тем больше мне казалось, что он сошел с ума. Его слова напоминали лихорадочный бред, принять который я не могла, вернее не желала. Но ведь я прекрасно знала, что все именно так и закончится, знала, что Сабуров землю рыть будет и непременно меня из-под этой самой земли достанет. На что я надеялась?

— Надо спешить. Поднимайся, – вернул Хромов меня в реальность бытия, продолжая безрезультатно бороться с собственной нервозностью. – Если выезды перекроют, мы не сможем покинуть город. В аэропорту, на вертолетных пло-

щадках и в порту уже дежурят патрули. Попробуем прорваться на машине...

— Кирилл, прорваться куда? – перебила я его. – Нам некуда бежать. Рано или поздно Сабуров найдет меня, это дело времени.

— Это неважно! – разозлился он. – Я не отдам тебя ему!

– Он убьет тебя, – обреченно прошептала я, задыхаясь от грядущего неизбежного трагического конца. – Мне лучше вернуться...

– Ты любишь меня? – спросил Кирилл все так же зло. Я кивнула. – Тогда собирайся!

Поднявшись с кровати, я прижалась к нему, заранее зная, чем закончится наша *утренняя пробежка*. Кирилл обнял меня, вздыхая, и уткнулся лицом в волосы.

— Сандра, – отодвинул он меня, – собирайся. Только быстро. Я жду тебя внизу.

Собралась я, как и просил Кирилл, быстро, спустившись вниз. От волнения он стал немногословен и зажат, старался реже смотреть на меня, а от моего внимания, казалось, раздражался. Усадив меня на заднее сиденье новенького «Фольксвагена» с наглухо тонированными стеклами, Хромов опустился рядом. Кресло водителя занял незнакомый мне крепкий мужчина, а пассажирское – начальник охраны, которого я видела и ранее, но всего раза два.

— Поехали! – приказал Кирилл, отвернувшись к боковому окну.

Седан покинул территорию дома, устремившись в сторону выезда из коттеджного поселка. Начальник охраны, иногда поглядывая на водителя, медленно вращал пальцами маленькое колесико рации, находящееся рядом с короткой антенной.

— Ну что там? – нетерпеливо спросил Хромов, обратившись к мужчине.

— Глухо как в танке, – обернувшись, ответил тот.

— Хреново.

– Согласен.

Но стоило Кириллу обреченно вздохнуть, как рация зашипела, а после послышались слова, сопровождаемые неприятным потрескиванием: «Первый Третьему, прием... Слышу тебя, Первый, прием... Приказ Соколова – досматривать весь транспорт без исключения, как понял? Прием... Понял тебя. Принято».

Я принялась покусывать от нервозности нижнюю губу, не веря в происходящее, напоминающее боевик. Похоже, Сабуров действительно поставил на уши весь город, будучи уверенным в том, что я попытаюсь покинуть город, ну, или меня попытаются вывезти из него. Начальник охраны повернулся назад, глядя на Хромова взглядом, полным безысходности и растерянности, поджав при этом губы.

— Куда ехать? – спросил водитель, тоже взглянув на него.

— В горы, – словно насмехаясь над ним, ответил Кирилл.

— Может быть, попробуем проскочить?

— Угу, и это будет последнее, что мы попробуем, — ответил водитель, недовольно глянув на соседа.

«Третий Первому, прием... — вновь зашипела рация, напоминая о себе, и все в салоне напряглись, как один, сосредоточившись на словах. — Говори, Третий... Мы на трассе А117, прием... Отлично, Третий, работайте».

— Разворачивай! — приказал Кирилл, судорожно осматриваясь по сторонам. — Поезжай в горы! — сказал он на этот раз вполне серьезно.

Дотянувшись до моей руки, Хромов сжал дрожащие пальцы, наконец-то посмотрев мне в глаза. В сером взгляде была безвыходность, и я ее прекрасно видела, все больше убеждаясь в том, что не ошиблась, предугадывая результаты нашего забега. Сабуров всю правоохранительную систему *кормил с руки* на протяжении многих лет, а они каждый раз преданно и самоотверженно выполняли приказы своего кормильца. И этот раз вряд ли станет исключением. Это понимала и я, и Кирилл.

Слева показалось подножье горы — позади седана послышался рев двигателя, стремительно приближающийся. Он становился отчетливее и громче, вынуждая всех нас обернуться: черный джип с тонированными стеклами (который я не могла не узнать) в считанные секунды поравнялся с «Фольксвагеном». Заднее стекло приотпустилось, а в образовавшейся щели, словно в амбразуре, возникло автоматное дуло. Молниеносная реакция Кирилла — и я оказалась на

полу между сиденьями под его тяжелым телом. Непрерывная автоматная очередь, пули, вонзающиеся в кузов седана и с легкостью пронизывающие тонкий металл, битые стекла, градом осыпающиеся на нас сверху, заставляли плотнее прижиматься к полу. Вдыхала я иногда, через раз, испытывая ужас от происходящего. Тяжеленное тело Хромова не позволяло наполнить легкие воздухом в необходимом объеме, вызывая удушье, но это было не так страшно, как осознание того, что Сабуров отдал приказ: огонь. Он позволил применить оружие, дабы меня остановить, а это означало: главной версией было не похищение, а побег.

Очередь прервалась. Кирилл, мгновенно поднявшись, схватил меня за руку и, распахнув настежь дверь, сиганул в кювет, увлекая меня за собой. Упав в высокую колючую траву, мы покатались кубарем с крутого спуска. Оказавшись внизу, я подняла голову, с диким ужасом глядя на то, как «Фольксваген», подобно мифической Стимфалийской птице, летит над пропастью. Казалось, такое возможно только в кино: выглядел этот полет абсолютно нереально, будто комбинированные съемки, но, к сожалению, кинематограф тут был ни при чем. Удар метала о землю и оглушительный взрыв заставили прижаться к земле. Оказавшийся подле Хромов схватил меня за руку, и мы ринулись к горе. Поднимаясь все выше и выше, я спотыкалась о булыжники и валежник, поскользывалась на шишках, рассыпанных под соснами и елями. Силы очень стремительно покидали меня, ведь я не

обладала выносливостью, так как силовые тренировки требовали лишь кратковременного усилия. Бег по пересеченной местности, да еще и в гору, мгновенно выматывал организм. Опять раздались выстрелы за спиной, как одиночные, так и очередью, причем по звуку отличающиеся друг от друга, а это означало, что стреляют из разного вида оружия. Пули свистели над головами, безжалостно вонзаясь в стволы многовековых сосен. Ощущение того, что мы находимся на поле боя, не покидало. Адреналин в крови подавлял страх, делая его практически неощутимым и незаметным. Движение на грани физических возможностей не оставляло ни сил, ни времени распознать какие-либо эмоции.

Кирилл дернул меня куда-то вправо и повалил на землю. Мы оказались за высоким валуном, спасающим от свистящих пуль. Происходящее напоминало компьютерную игру, особенно звук свинца, безуспешно пытающегося вонзиться в горную породу. Выстрелы становились громче, сообщая о приближении стрелков.

— Тебе нужно идти, – неожиданно произнес он, продолжая бороться со сбившимся дыханием. – Они убьют нас. Я не смогу защитить тебя.

Я не могла поверить в то, что Кирилл готов был бросить меня на полпути.

— Ты же обещал, что не отдашь меня ему.

— Не отдам, – подтвердил он и даже кивнул. – Сандра, я не могу подвергать твою жизнь опасности. Да у меня даже

ствола с собой нет, – он резко дернул меня на себя, прижав крепко к груди, когда очередные пули, свистя, вонзились в каменную броню.

Выстрелы стремительно приближались, расплзаясь в стороны. Судя по звукам, нас попросту окружали.

— Я не хочу без тебя... Я не хочу с ним...

— Сандра, послушай, – начал взволнованно Кирилл, – мои ребята мертвы, я остался совсем один. Я ничего сейчас не могу сделать. Сабуров не знает, что ты сбежала, наверняка он уверен, что это похищение...

— Это был его джип, – в ужасе прошептала я. – Он все понял.

— Он не причинит тебе вред, – попытался убедить меня Хромов, хотя, мне показалось, что сам он был убежден в обратном. – Я заберу тебя... позже... не сейчас...

— Обещаешь?

— Я люблю тебя, – так и не ответил он на вопрос.

Кирилл крепко прижал меня к себе, коснувшись соленых от слез губ поцелуем.

— Давай, Сандра, иди, – отпустив меня, сказал Кирилл с болью в голосе.

— Уходи, – произнесла я, когда автоматные очереди образовали паузу в пространстве, даря природе время насладиться тишиной.

Поднявшись во весь рост, я покинула временное укрытие и, поднимая руки высоко над головой, стала медленно дви-

гаться вперед. Мужчины в камуфляжной форме стояли за стволами старых сосен, периодически высовывая черные головы в балаклавах и поглядывая на меня. Слезы струились по щекам, а я продолжала жадно глотать их, не в силах поверить в то, что добровольно возвращаюсь в каземат к своему жестокому надзирателю.

— Не стреляйте! – крикнула я, с трудом переставляя дрожащие ноги.

Мужчины опустили дула автоматов в землю, покидая укрытия (я даже представить не могла, что их так много). Похоже, Сабуров поднял целую армию против одного Кирилла.

— Где он? – спросил один из мужчин, приближаясь и стягивая находку балаклаву.

— Он ушел, – произнесла я, замерев на месте, – я одна.

— Все хорошо? – спросил он, повесив на плечо автомат. – Ты цела? – я лишь кивнула в ответ, сделав соленый глоток слез.

— Прочешите лес! – приказал командир с погонами капитана на плечах, обернувшись назад, а я напряглась всем телом, надеясь на то, что Хромову удалось уйти как можно дальше от эпицентра событий.

Один из мужчин, наверняка тот, что был старше по званию многочисленного отряда камуфляжных, махнул рукой и все, как один, ринулись вперед. Капитан прижал мобильный к уху и спустя несколько секунд произнес:

— Дамир Робертович, Александра у нас... Он бросил ее в

горах... Да, она в порядке... Понял вас. Так точно, – кивнул он, вернув телефон в карман. – Я отвезу тебя домой, поехали...

Полицейская «Лада» уперлась мордой в ворота сабуровской обители. Я вцепилась пальцами в дверную ручку и стала судорожно озираться, словно в поисках несуществующего выхода. Распахнувшаяся калитка явила нам Дамира со злобным прищуром. Мужчина выбрался из тесного салона и, подойдя ближе, что-то принялся объяснять, но Сабуров недовольно скривился и, отмахнувшись от него, подошел к машине. Он распахнул заднюю дверь, поместив на меня свои жутко черные глаза. Я сидела неподвижно, рассматривая парализующий недобрый взгляд. Тяжелый вздох – и Дамир, раздраженно схватив меня за руку, практически вытащил дрожащую от страха фигуру на улицу, как невесомую куклу из коробки.

Оказавшись в доме, он усадил меня на диван и опустил-ся рядом, продолжая всматриваться в глаза так пристально, что я отчетливо ощущала жуть, бегающую по спине, подобно электрическому току по проводам. Она металась из угла в угол, от тупика к тупику покалывая кожу, покрывающуюся испариной.

— Кто он? – раздувая ноздри от негодования, спросил муж.

— Кто – он?

— Чего он хотел? – не потрудился ответить Дамир, выхо-

дя из себя.

— Он сказал, что ты заплатишь ему за все, – не думая ни секунды, соврала я, да так уверенно, что даже сама поверила в собственную ложь.

— Как он выглядит? – продолжал щуриться и раздувать ноздри муж, подрагивая от гнева.

— Невысокий, с черной бородой, – продолжала я фантазировать, тем самым обеспечивая себе какое-никакое будущее и стараясь подмостить солому для пушшего комфорта. – Нерусь какая-то.

— Как ты покинула дом? – Дамир нахмурил лоб, а в его зрачках вспыхнула ярость. Казалось, вот сейчас он и вцепится в мое лицо, не сдержавшись.

— Спряталась в салоне «Шкоды» охранника, – маскируя грехи Никиты своим враньем, я старалась прежде всего создать видимость спокойствия.

— И где ты была?

— Пила в баре... Послушай, Дамир, я так больше не могу, – начала я, а Сабуров напрягся, хмуря лоб все сильнее. – Я не жена. Я заложница. Ты не имеешь право ограничивать мою свободу...

— Да, – перебил он, – ты не жена. Ты бестолковая глупая стерва, которая ни хрена не понимает в этой жизни, – недовольно скривился Дамир. – Ты принадлежишь мне, и так будет всегда. Именно поэтому я имею право делать с тобой то, что посчитаю нужным.

Я смотрела в его жестокие глаза, не веря своим ушам. Кажалось, Сабуров бредит, произнося эти слова.

— Значит так, еще одна подобная выходка – и ты будешь сидеть на цепи, рядом со своим бесполезным кобелем! И приведи себя в порядок: смотреть противно!

Когда он покинул каминную, хлопнув с ненавистью тяжелой дубовой дверью, я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Эта жизнь становилась все более невыносимой, испытывая мое терпение, которое было раздуто до таких невероятных размеров, что угрожало лопнуть в любой неподходящий момент.

Следующим утром Дамира словно подменили: вызывающее подозрение спокойствие, тихий голос без гневного дребезжания, отсутствие недоброго прищура и предъявляемых претензий. Но меня не проведешь! Я нисколько не верила мужу, когда характер его обрастал белой и пушистой шерстью. Все это – хорошо продуманный тактический ход. После завтрака он вернул мне ключ от любимого кабриолета («Мерседес» цвета электрик я получила в качестве приза за первое место в международном конкурсе, и был он, пожалуй, самым дорогим и ценным из всех) и даже позволил выехать на несколько часов из дома. Вечером же ему вздумалось вывести меня в свет, и эта идея мне сразу не понравилась. Проводить наедине с ним время, желания не было, но разве я могла спорить с Дамиром и озвучивать собственные

желания, которых у меня, по его мнению, быть не могло? Конечно же, нет. Проще было подчиниться, дабы не злить этого жестокого кровожадного монстра с эмоциональной лабильностью.

Два часа, проведенные в салоне красоты, сделали меня похожей на куклу, что вызвало отвращение. Я не привыкла к яркому макияжу и пафосной прическе, ведь в спортзале во всем этом не было нужды. Конечно, соревнования обязывали выглядеть ярко и броско, но я не так часто участвовала в них, а после замужества это осталось для меня в далеком прошлом. Хостес с приветливой улыбкой распахнул перед нами зеркальные двери ресторана и вежливо пожелал приятно провести время. Оказавшись в просторном белоснежном зале, Дамир взял меня за руку и с восхищением осмотрел фигуру с головы до ног. Он с гордостью подвел меня к столику и, отодвинув стул, произнес:

— Ты шикарно выглядишь.

Не обращая внимания на его неуклюжий комплимент, я опустила на сиденье и откинулась на высокую спинку, мечтающая как можно скорее вернуться домой и смыть с лица этот толстый слой омерзительной косметики. Мне было безразлично, что думает обо мне Сабуров. Его слова восхищения никогда не доставляли удовольствия, так как в их искренность я не верила. Эта похвала палача перед экзекуцией звучала как издевательство и насмешка. Дамир уселся напротив, рассматривая безразличие в моих холодных глазах с аб-

солютно равнодушным видом (а ему, похоже, было безразлично мое равнодушие).

Спустя минут сорок официант принес наш ужин и, пожелав приятного аппетита, удалился. Я сидела неподвижно, пристально глядя на лазанью, которую есть даже не собиралась: эта калорийная бомба никак не вписывалась в мою спортивную диету. Такую гадость могла есть только его любимая доченька Алия, по периметру обрастая жиром.

Сабуров, изображая из себя важную персону, отвечал на бесконечные телефонные звонки, периодически покидая зал ресторана для каких-то тайных бесед. Очередная такая беседа – и он снова оставил меня одну. Цыкнув от раздражения, я подняла глаза, наткнувшись взглядом на Кирилла, стоящего на пороге. Сердце ёкнуло и зачастило с ударами. Мгновенно потупив взгляд, я замерла. Руки задрожали, ладони стали противно мокрыми, остужая кожу, по позвоночнику медленно скользила капля пота вниз к пояснице. Я чувствовала пристальный взгляд Хромова на себе, чувствовала его сильное волнение на расстоянии. Но и мое волнение чувствовалось не меньше. Подскочив с места, я направилась в уборную, прекрасно понимая, что, если Сабуров заметит мое неукротимое беспокойство, то это вызовет неудобные вопросы, а затем его гневные конвульсии от неизбежного хамства (а я ведь обязательно начну хамить, я-то себя хорошо знаю).

Я подошла к зеркалу и тщательно осмотрела побледнев-

шее лицо: даже приличный слой декоративной косметики не мог замаскировать обесцветившиеся щеки. Волнение в глазах тоже было хорошо заметно, да и печаль дымкой окутывала зрачки, подсвечивая грусть и тоску. «Нет, в таком виде появляться перед мужем нельзя, – подумала я. – Эта тварь всем своим животным нутром чует человеческое волнение». Дверь громко бахнула – за спиной возникла высокая фигура Хромова. Он, недолго думая (а может, и не думая вовсе), схватил меня за руку и потянул в сторону отдельной кабинки. Неспособность женского мышления оперативно обрабатывать информацию и тут же принимать решения походила на покорность. Повернув барашек замка, Кирилл прижал меня к стене и мгновенно впился в губы жадным поцелуем. Сердце стало пропускать удары, просто не успевая сокращаться так быстро, как того требовало волнение. Я вцепилась в его пульсирующие запястья, ответив на страсть. Подушечки моих дрожащих пальцев отчетливо осязали стремительно ускоряющийся пульс Кирилла, что позволяло физически ощущать его волнение, так схожее с моим. Не знаю, сколько длилось это неконтролируемое безумие, но, когда его рука оказалась под подолом платья, я сразу же отстранилась, понимая, что сам он уже не сможет остановиться. Кирилл смотрел с растерянностью, продолжая жадно втягивать носом воздух. Он провел пальцами по моим влажным губам и медленно выдохнул все то, что поглотили его легкие при крайнем вдохе.

— Забери меня, – попросила я, прижав ладонь к его смуглой щеке.

Хромов внимательно смотрел на меня, а в его взгляде читался испуг, неподдающийся объяснению. Он гладил лицо, упорно храня молчание, словно пытался растянуть время и отсрочить ответ.

— Ты же обещал... – напомнила я, начиная понимать, что обещание – не более чем просто слова.

— Я обязательно выполню обещание, – наконец-то произнес Кирилл, – но чуть позже.

От длительного напряжения мышцы лица сократились, изобразив нервную улыбку, а я согласно кивнула, как будто ожидала услышать именно такой ответ. Отступив назад, я пристально посмотрела в пыльно-серые глаза, осознавая, что доверие к этому человеку растворяется во мне бесследно. Качнув отрицательно головой, я опять улыбнулась.

— Сандра, я сделаю все то, что обещал... – Кирилл сделал шаг мне на встречу, но я тут же отступила назад, не жалуя сближения. – Ты что? – опешил он.

— Я больше не верю тебе.

— Сандра, послушай, мне просто необходимо время...

— У тебя теперь будет достаточно времени, – перебила я его, не желая больше слушать пустые и бессмысленные слова.

— Да что ты несешь? – взбесился Хромов, схватив меня за плечи и встряхнув, но все это не могло переубедить меня.

— Не смей прикасаться ко мне больше никогда!

Кирилл тут же разжал пальцы, возвращая мне свободу.

— Я не могу рисковать твоей жизнью, – сделал он очередную попытку убедить меня в верности его решения. – Сабуров так просто не отпустит тебя, ты же понимаешь.

— Я оружие, которое ты когда-нибудь используешь против Дамира в корыстных целях.

— Это не так.

— Именно так, и ты об этом знаешь.

Хромов окончательно растерялся, не понимая, какой еще преподнести мне аргумент, дабы убедить в том, в чем был так убежден сам. Но его аргументы больше никогда и ни в чем не смогут убедить меня. Повернув блестящий барашек замка, я беспрепятственно покинула его отныне нежеланное общество.

Оказавшись в зале, я увидела злющего Сабурова, что-то объясняющего охраннику. Он был раздражен и эмоционален, а мужчина в форме – растерян и озадачен. Подойдя ближе, я вцепилась в руку Дамира, испуганно уставившись на его жестокое лицо.

— Ты где была? – спросил шипящий от негодования голос.

— Мне плохо, – прошептала я из последних сил и прижалась к нему. – Давай уедем отсюда.

Он окинул взглядом зал, понимая: причина моего плохого состояния материальна и наверняка имеет человеческое об-

личие. Так ничего и никого подозрительного не обнаружив, Сабуров повел меня к выходу. Зачем-то обернувшись, я на-
ткнулась взглядом на Хромова, внимательно наблюдающего
за нами. Я опять вцепилась в руку мужа, стараясь быть как
можно ближе к нему.

Продолжая наслаждаться временной свободой, я пыта-
лась насытиться ею вдоволь, зная, что приступ щедрости мо-
его благоверного скоротечен и вскоре я снова окажусь вза-
перти. Не спеша двигаясь между рядами с дизайнерскими
платьями, я равнодушно рассматривала их, стараясь не при-
ближаться, так как они не вызывали у меня ни восторга, ни
каких-либо иных положительных эмоций. Пафосные шмот-
ки никогда не доставляли удовольствия, и не важно, какой
была их стоимость и какого именитого дизайнера было сие
творение. Мое сердце подавало признаки жизни лишь при
виде инвентаря и одежды для спорта. Муженек жутко бесил-
ся, когда я спускала деньги на очередные легинсы и футбол-
ки из новой коллекции, но больше всего его выводили из се-
бя бесформенные толстовки и брюки, в которых я чаще все-
го представала перед ним, естественно, назло (не без этого).

Недолго думая, я отправилась в спортивный магазин (и
в этот раз наказ мужа: купить себе женский наряд для зва-
ного ужина, не удостоился моего внимания). Манекены в
спортивных бра, легинсах, шортах и футболках, на которых
красовались эмблемы известных брендов, приводили меня

в восторг и вызывали блаженную улыбку. Войдя в примерочную кабинку, я натянула на себя короткие ярко-зеленые шорты и такого же цвета бра, расплывшись в довольной улыбке. Мое тело до сих пор доставляло мне удовольствие, радуя отражением, но стоило мне это, конечно, больших трудов: изнуряющих тренировок и жизни впроголодь. Сменив несколько комплектов для получения эстетического удовольствия, я переоделась в свой спортивный костюм и, сунув ноги в кроссовки, повернулась к двери. И именно в этот момент она распахнулась, заставив меня отступить назад. Предо мной возник незнакомый мужчина и, сунув руку за полу пиджака, достал пистолет. Наверное, я испугалась при виде оружия, но организм почему-то воспроизвел слышимый вздох, будто бы не очень-то и удивившись происходящему, а, скорее, утомившись от однотипных событий.

— Тихо, – зачем-то сказал он, ведь я и не собиралась шуметь. – Пойдешь со мной, – поставил меня перед фактом мужчина. – И без глупостей.

О каких именно глупостях шла речь, я так не поняла, но спрашивать не стала, дабы не оттягивать неизбежное. Похититель сунул пистолет за пояс брюк, прикрыв его низом пиджака, и взял меня за руку. Мы вышли из примерочной и направились в сторону служебного входа. Несколько минут плутания по коридорам – и мы оказались на парковке с тыльной стороны здания торгового центра. Мужчина усадил меня на пассажирское кресло и захлопнув дверь, занял место

водителя.

Видавший виды старенький «Опель» неистово завывая и странно булькая катился по трассе, выстеленной солнечным светом. Мне потребовалось меньше двадцати минут, чтобы понять, куда меня везут и на кого работает нестрашный похититель. Я устало вздохнула, привлекая его внимание. Мужчина повернулся ко мне, а я, напротив, повернулась к боковому окну, уставившись на знакомые горные вершины, утыканные вековыми хвойными красавицами.

Встретили нас металлические ворота; по обе стороны ворот, справа и слева, – две каменные колонны, на каждой из которых – по черному волку с высунутыми языками, изнывающими от изнуряющего пекла, и трехметровый забор, из-за которого выглядывала черепичная крыша, – не стали для меня сюрпризом, ведь именно их я и ожидала увидеть. Автомобиль въехал на территорию дома, хрустя мелкими камушками, напоминающими морскую гальку. Из дома вышел Кирилл и, замерев на крыльце, сунул руки в брючные карманы. Он смотрел на меня сквозь лобовое стекло, которое, отражая солнечный луч, посылало его на красную кирпичную кладку стены дома. Мужчина покинул салон и скрылся из вида, растворившись в саду, а я по-прежнему оставалась внутри, рассматривая уставшее лицо Хромова. Дрожь от раздражения и гнева становилась осязаемой. Он подошел к машине и открыл дверь, протянув ко мне руку. Раздув ноздри и с призранием взглянув на его ладонь, я выбралась из салона и

фыркнула, выказывая недовольство хромовской наглостью.

— Я исполнил твое желание: больше ты не вернешься к нему...

— Ты ошибся, – повторно фыркнула я, скорчив гримасу отвращения, – это не мое желание.

— Ты издеваешься? – насупил брови Кирилл.

— Это ты издеваешься. Мое единственное желание – твое окончательное и бесследное исчезновение из моей жизни.

Он тяжело задышал от оккупировавшего его гнева и схватил меня за плечо, двинувшись в сторону гаража. Я двинулась следом, ничего не подозревая. Оказавшись внутри, Кирилл подвел меня к открытой металлической двери и сильно впихнул в темноту, что-то невнятное пробурчав в спину. Громкий хлопок и три щелчка в замке очень уж походили на судебный приговор о лишении свободы. Я еще долго стояла без движения, ожидая, что благоразумие вернется к нему, что он одумается и выпустит меня на свободу, но время шло, а дверь по-прежнему была заперта. Лишившись всяческой надежды, я нащупала шершавую стену и смело шагнула вперед, чуть было не скатившись кубарем вниз с крутой лестницы. Спустившись с горем пополам вниз, я оказалась где-то под землей (не иначе как в преисподней), и, прижавшись спиной к стене, опустилась на бетонный пол. Разочарование вызвало слезы. Они скользнули по щекам, после по шее, впитавшись в ворот кофты. Произошедшее стало неприятной неожиданностью для меня. То, что сделал Ки-

рилл, никак не укладывалось в моей голове. Такое жестокое обращение не уживалось с недавним признанием в любви. Да, его бесспорно разозлили мои слова, но ведь это не повод запира́ть меня в холодном подземелье. Разве любимую женщину допустимо держать в подобных условиях? Я обреченно вздохнула и, притянув колени к подбородку, обняла их руками. Уткнувшись носом в ткань спортивных брюк, я всхлипнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.